

Александр Цзи

Враг из тьмы

Мистический триллер

Александр Цзи

**Враг из тьмы.
Мистический триллер**

«Издательские решения»

Цзи А.

Враг из тьмы. Мистический триллер / А. Цзи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961008-9

Крупный город охватывает страх перед Слепителем. Маньяк вырезает глаза несчастным жертвам, попавшимся ему в ночи в соответствии со странной и пугающей последовательностью. Случайные свидетели преступления оказываются втянутыми в череду зловещих событий и вынуждены столкнуться с чудовищем лицом к лицу.

ISBN 978-5-44-961008-9

© Цзи А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Черный глаз	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Враг из тьмы Мистический триллер

Александр Цзи

© Александр Цзи, 2019

ISBN 978-5-4496-1008-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Черный глаз

Пролог

Я вижу тебя, хотя вокруг нас крошечный мрак, вижу твой страх – даже не страх, а первобытный ужас, который превращает тебя в дикое, запуганное животное. Мне противно лицезреть твои судорожные корчи; я прихожу к мысли, что ты недостойн того дара, что вручила тебе природа – дара зрения.

Сегодня, сейчас я лишу тебя этого дара, и ты будешь жить так, как пристало червям вроде тебя, – в беспросветной, первозданной тьме, что предшествовала рождению этого мира...

Ты издаешь отчаянные невнятные звуки сквозь кляп, дергаешься, извиваешься всем телом в тщетных попытках вырваться, но путы держат крепко. Твое лицо перекошено, глаза выкатились из орбит, по лбу и вискам градом стекает пот.

Почти нежным движением я беру ложку с остро наточенными краями и подношу к твоему лицу. Когда холодный металл касается разгоряченной кожи, ты вздрагиваешь, а твои конвульсии усиливаются многократно.

Передумав, я убираю ложку и освобождаю тебя от кляпа. Кричи – тебя никто не услышит, я позаботился об этом. Кляп был нужен для того, чтобы ты хранил молчание, пока я вез тебя сюда.

Но, к моему удивлению, ты не кричишь, хотя дыхание с хрипом вырывается из горла.

– Стой, не надо, слышишь, не надо, я тебя прошу!..

Торопливый, срывающийся на визг, шепот в темном и узком помещении, наполненном запахом пота и страха, удивительно уместен. Я понимаю: именно этого шепота и не хватало для полноты картины...

– Прошу, не надо, кто бы ты ни был! Я сделаю... проси всё, что угодно!

Я молчу. Хриплое частое дыхание бьет по моим барабанным перепонкам. Я буквально могу осязать переполняющий тебя ужас, трогать его, наслаждаться им.

– Всё, что угодно? – тихо, бесцветным голосом заговариваю я. Таким голосом вещала бы сама Тьма. – Что именно?

– Деньги... Да, деньги!.. Я всё отдам, только не делай этого, не убивай меня!..

Я издаю легкий смешок.

– Но я не собираюсь тебя убивать...

Шумное дыхание на мгновение дает сбой. Ты не веришь ушам от радости.

– Спасибо, спасибо... Я никому не скажу, просто выпусти меня...

– Я не убью тебя, – продолжаю я так, словно меня не прерывали, – я просто возьму вот эту ложку, – ты её чувствуешь – и извлеку тебе глаза, так, как извлекают жемчужину из раковины... Очень нежно, очень аккуратно я вырежу тебе глазные яблоки. Не волнуйся, ты почти ничего не почувствуешь, у меня есть опыт в этом деле... Я не убью тебя, ты будешь жить, но в темноте... Вечном мраке...

Ты хрипишь от тошнотворной паники, хрипы переходят в полурёв-полувою.

– Нет, нет, ты совсем рехнулся, псих долбаный?! Чего тебе надо-то, а? Давай договоримся? Слышь, брат, давай договоримся, а? Ну?..

Я опять тихо усмехаюсь. Ты что, хочешь договориться со своей судьбой? Она уже predetermined.

– Мне ничего от тебя не нужно, дурачок, – ласково говорю я. – Ты ничего не можешь мне дать.

Твое лицо застывает, точно причудливая маска смерти. Это уже не отчаяние, это про-страция. Секунду спустя оно оживает, претерпевая ряд мимических метаморфоз – неверие, страх, удивление сменяют друг друга – и, наконец, наливается бессильной злобой.

– Ты, сука, ответишь, ты ответишь мне, тварь! Ты понял, сволочь? Я тебя из-под земли достану!..

Ты вопишь, а слюна брызгает на меня. Я не ощущаю брезгливости и не отстраняюсь.

Когда ты выдыхаешься, я качаю головой.

Пустые слова... Как ты меня достанешь? Мы в объятиях тьмы, ты не видишь меня, не зна-ешь, ни где мы, ни как сюда попали. Ты мне совершенно не страшен. Это в мире продажных чиновников и легализованных преступников, что подчас одно и то же, ты можешь угрожать мне. Но не в моем мире.

– Из-под земли достанешь? – повторяю я мечтательно. – Нет, дружок, ты меня нико-гда не найдешь. Быть может, я пройду рядом с тобой, а ты не увидишь меня в своем вечном мраке... Чтобы узнать, нужны глаза...

Ты снова кричишь дурным голосом. Эти вопли надоедают мне, и я затыкаю тебе рот кляпом. Крики переходят в мычание. Забавно, в страхе человек издает громкие звуки; для чего? Чтобы нашли враги?

Я подношу ложку к уголку глаза. Ты зажмуриваешься, дергаешь головой, но ремни не дают свободу маневра. Я слегка надавливаю...

Мычание становится прерывистым, похожим на истерические хихиканье сквозь подушку. Если бы ты не дергался, было бы не столь больно...

Между заостренным краем ложки и кожей показывается кровь. Я резко давяю ложкой, и она легко входит между веком и глазным яблоком, будто в подтаявшее масло. От тебя исхо-дят новые звуки, вроде хлюпанья. Возможно, это кровь проникла по слезному каналу тебе в носовую полость? И ты теперь давишься ею?

Быстрыми и точными движениями я отделяю глаз от глазодвигательных мышц.

– Не кричи, – приговариваю я, не обращая внимания на шум, который ты производишь. – Тебя никто не услышит. Я вырежу твои глаза. Отныне они мои. Отныне твой мир – царство тьмы. Царство, откуда когда-то вышел и я.

Глава 1

Я припарковался там же, где и обычно: между газетным киоском и старым дубом, росшим совсем близко от стены многоквартирной девятиэтажки. Проходившая мимо группа школьников в мокрых от дождя куртках окинула мою тачку восхищенно-завистливыми взглядами.

Заглушив двигатель и включив свет в салоне, я повернулся к Кире Выборновой, которая сидела рядом, и широко улыбнулся.

– Хочешь зайти? – опередила мой вопрос Кира.

– Страж цитадели дома?

Лукавая улыбка на круглом лице Киры – улыбка, которая должна была продемонстрировать, что она прекрасно понимает ход моих примитивно-похотливых мыслей, – мгновенно пропала.

– Не называй так мою маму, Гардер!

Я хмыкнул.

– Ну ладно, прости, Кира... Нет, заходить не буду, в другой раз. А ты не фамильярничай, у меня есть прекрасное имя.

– Ах, извините, дражайший Евгений свет Александрович! И почему это в другой раз? Куда вы направляете свои благословенные стопы? – Она отбросила ехидно-вежливый тон и продолжила: – Ты же один живешь, куда ты вечно пропадаешь? Будешь сидеть один дома?

– Буду думать о тебе, – серьезно сказал я, взяв Киру за руку и пропустив свои пальцы между ее пальцами. – Ты ж не захотела остаться на ночь.

Она отвела глаза.

– Не сегодня.

– Ты всегда так говоришь.

– Женька, имей совесть! – вспыхнула Кира, но руку не выдернула. – В прошлом месяце я чуть ли не каждую неделю оставалась у тебя. Ты слишком привык, что всё идет как *ты* хочешь, а на мои интересы тебе...

– Ну все-все, зай, хватит...

Я привлек ее к себе и поцеловал. Она сразу расслабилась.

Несколько секунд мы целовались, предоставляя возможность поучиться этому нехитрому делу школьникам, спешившим в сумерках под дождем от остановки к домам спального района и зыркавшим в нашу сторону. Хотя неизвестно, так ли уж им необходимо этому учиться...

Наконец, мы насилу оторвались друг от друга. Кира шепнула «Пока!» и, прихватив сумочку и зонт, вышла из машины. Когда дверца открылась, в салон ворвался прохладный и влажный воздух.

Я лениво проследил, как Кира раскрывает зонт и идет к подъезду, не оглядываясь и виляя круглой упругой попой, затянутой в супероблегающие джинсы. Да, Кира сексуальна, причем ее сексуальность естественна, а не нарочита и всегда притягивает мужские – и иногда и женские – взоры. Она далеко не худышка, но благодаря тонкой талии, которую она унаследовала от матери, так же как и белокурые волосы, не кажется полной.

Наш роман длился около двух месяцев, гормональная волна у меня уже пошла на убыль, и я с неудовольствием стал замечать, что Кира обладает кое-какими иными качествами, кроме сногшибательной походки, умения делать тайский массаж и выдающегося размера груди. Меня уже начали напрягать ее обидчивость (правда, в комплекте имелась и отходчивость), мелочность и очень узкий кругозор, из-за которого с ней подчас скучно разговаривать. Насколько я понял, Кира намерена была продолжать наши отношения, пока не наступит Рагнарек, однако меня такая перспектива не радовала, и чем дальше, тем меньше.

Мои близкие друзья – Глеб, Дима и Юрка – называли меня баловнем судьбы, зажавшимся ловеласом и прочими, более суровыми словами, которых не найти в словаре Даля; впрочем, называли с плохо скрываемым восхищением. Дело в том, что кроме Киры у меня совершенно случайным образом завелась еще одна подруга – Наташа Сидоренко – фотомодель и жгучая брюнетка, не обладавшая такими пышными формами, как у Киры, зато очень высокая, за метр восемьдесят, и с ледяными глазами на бледном аристократическом лице. Когда она надевала каблуки, большинство мужиков ей в пупок дышали, что, естественно, не способствовало поднятию мужской самооценки. К счастью, мне повезло и с ростом, который позволял ходить рядом с этой высокой и холодной эльфийкой и не казаться при этом жалким гномом.

Вот Наташа, как ни странно, начитанна и остроумна (иногда даже слишком), но в то же время, по моему скромному мнению, чересчур заиклена на себе и карьере фотомодели. В общем-то, насколько я понял, она согласилась со мной встречаться, только чтобы иметь гарант того, что в ее личной жизни всё хорошо. Ни о какой любви до гроба и речи не шло. Я не сомневался, что если ее пригласят на Ибицу на фотосессию известного фотографа Дориана Ферье, о чем она давно мечтает, то она умчится в тот же день, мгновенно позабыв о простом парне по имени Евгений Гардер.

Димон мне как-то шутя и без задней мысли сказал, что причина моей популярности – БМВ седьмой модели черного цвета, которую мне подарил отец на двадцатипятилетие. Я с ним не спорил: тачка действительно производила впечатление почти на всех людей обоего пола. Батя, конечно, раскошелился неслабо, но почему бы и не раскошелиться на единственного сына, если ты преуспевающий бизнесмен, и от этой покупки твой банковский счет не претерпит особых изменений?

Отец, признаться, баловал меня такими подарками нечасто, но если баловал, то с размахом. После окончания института, например, он купил мне однокомнатную квартиру почти в центре Роднинска. Так что на сегодняшний день мне абсолютно не на что было жаловаться.

Причина того, что я встречался сразу с двумя девушками, которые не подозревали о существовании друг друга, заключалась не в желании жить красиво, как представители золотой молодежи, что имеют целый гарем фотомоделей, не в неумении расставаться и не в скрытых мужских комплексах. Во мне с детства жил чертик, вынуждающий меня иногда совершать глупые и рискованные поступки, ходить по лезвию бритвы и с болезненным любопытством ждать, чем всё закончится, как, например, сейчас, когда я завел параллельные отношения.

Я понимал, что всё это глупости; даже не глупости, а дурь в ее высшем проявлении. Но поделаться ничего не мог. Хотелось рисковать, хотелось ощущать вкус адреналина, когда чувствуешь, что живешь по-настоящему...

Заведя двигатель, я задом выехал из тупичка, в котором припарковался, и в стремительно сгущавшихся сумерках поехал по проспекту Лермонтова на юго-восток, прочь от новостроек в сторону центра. Фонари вдоль дороги уже горели, в их желтоватом свете сверкали капли дождя. Игрушечная собачка на приборной панели покачивала головой с осуждающим видом: ей не нравилось мое нечестное поведение по отношению к Кире и Наташе... Хотя, возможно, я ошибался, и она качала головой очень даже одобрительно.

Несмотря на сырость, холодный дождь и наступающую ночь, движение на улице было оживленное. Прохожих тоже хватало.

Заметив освещенный прожекторами продуктовый магазин «Хозяюшка», я вовремя вспомнил, что нужно купить молока, яиц и хлеба, и, включив поворотники в последнюю минуту, завернул на парковку.

Когда я вылез из нагретого салона, влажный холод жадно лизнул меня в щеки. Я накинул капюшон и, втянув голову в плечи, заспешил к магазину. Кассирша в белой рубашке и красном галстучке проводила меня ленивым взглядом. Обширный павильон, заставленный рядами товаров, оказался не таким многолюдным, как представилось мне снаружи, когда я глянул

внутри через прозрачные двери. Возле полок с молочными продуктами стояла одна-единственная посетительница – странноватого вида шатенка в очках, красном пальто, вязаной шапочке, из-под которой на спину ниспадала толстая коса, и серых перчатках. Она чрезвычайно внимательно разглядывала длинные ряды йогуртов, нахмурившись и едва заметно шевеля губами, будто не могла вспомнить, что ей нужно. На одном плече у нее висел старенький рюкзачок.

Я схватил первый попавшийся тетрапакет с молоком, десяток яиц в пластиковом чехле, одну из последних булок бородинского хлеба и двинулся к кассе. Девушка окинула меня рассеянным взглядом сквозь стекла очков, после чего снова вернулась к изучению йогуртов. Расплатившись на кассе, я добежал до машины и поехал дальше. Собственно, ехать было всего ничего – практически сразу завернул в переулок Лобачевского, где фонари не работали, поэтому было темно, как в ночном лесу, если не считать освещенных окон домов.

Почти тотчас за поворотом свет фар выдернул из темноты какой-то продолговатый предмет на дороге, ближе к правой обочине. Мне потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что это лежащий человек.

Я нажал на тормоз. Вообще-то, валяющиеся на дороге бомжи встречались нередко, и я обычно не останавливался из-за такой ерунды, но в этот раз что-то меня остановило. Может быть, то, что человек был одет слишком хорошо и слишком легко для бомжа в октябре.

Двигатель продолжать мягко урчать, а я вышел из машины и в свете фар приблизился к лежащему ничком человеку. На нем была голубая рубашка, новые, хоть и грязные, брюки и, насколько я мог разглядеть, качественный кожаный ремень. На рубашке расплывались темные пятна.

Я огляделся – переулок был пустынным. В освещенном окне ближайшего дома двигалась фигура женщины, готовящей на кухне ужин.

– Эй, мужик!

Человек шевельнулся и застонал. Я резко ускорился и, ухватив его за плечо, помог перевернуться на спину. Потом слегка отпрянул: с его лицом было что-то страшное. Человек закрывал его ладонью, губы его кривились, щеки все были измазаны в засохшей крови; кровь была и на подбородке, стекала по шее и измазала весь воротник с галстуком.

– Эй, что случилось-то? – спросил я, поражаясь количеству крови. Как это он поранился? В аварию попал? Где тогда его машина? Или кто-то сбил его и скрылся?

Бедняга снова застонал и что-то пробормотал, продолжая закрывать ладонью глаза. Я наклонился поближе. И вдруг он схватил меня свободной рукой за рукав.

– Спасите, умоляю! – прохрипел он.

– Тихо-тихо, – сказал я. – Ты кто? Что с тобой?

– Я – Максим... Кузнецов... Эта тварь меня изуродовала!..

– Какая тварь? – удивился я, высвобождая рукав.

От него вроде бы не пахло спиртным, но это еще ничего не значило. Подрался, подумал я, сцепился с кем-то по пьяни и получил, что называется, по рылу. Перспектива нянчиться с ним весь вечер меня не прельщала, и я уже подумывал, как бы свалить и в то же время не оставить человека на произвол судьбы.

Как по заказу, поблизости послышались шаги. Я выпрямился и оглянулся. Из темноты на свет фар вышла давешняя девушка из магазина. Она остановилась шагах в пяти от нас, переводя взгляд с меня на Максима Кузнецова и обратно.

– Вызовите, пожалуйста, скорую и полицию! – распорядился я с таким видом, словно каждый день требовал вызвать скорую и полицию. – Человек ранен!

И сам мог бы вызвать, но, во-первых, мобильник остался в машине, во-вторых, хотелось подключить к делу эту девчонку; не одному же мне отдуваться.

Очкаричка из магазина тотчас достала из кармана пальто сотовый и засветила экран.

– Подрался с кем-то, Максим? – обратился я к лежавшему на грязной земле терпиле. –
Про какую тварь ты говорил?

Вместо ответа тот убрал руку с глаз. Я отшатнулся.

– Вот ведь срань! – пробормотал я.

– Тварь в темноте, – отчетливо проговорил Максим, повернув ко мне багрово-черные провалы глазниц. Кровь внутри уже свернулась, но лучше от этого дыры вместо глаз выглядеть не стали. – Смотри, что он сделал!

Девушка, которая уже набрала номер скорой, сдавленно ахнула и чуть не выронила телефон. И, хотя это и так было яснее ясного, прошептала:

– Ему вырезали глаза!..

Глава 2

Дальнейшие события как-то перемешались в голове. Вот мы стоим посреди темной холодной улицы под морозящим дождем, а Максима Кузнецова фельдшер «скорой» с помощью водителя грузят в «Газель», украшенную красными крестами и надписью «Ambulance» на капоте в зеркальном отображении, чтобы водители могли прочитать эту надпись как надо в зеркалах заднего обзора и уступали место на дороге. А вот, буквально пару минут спустя, мы со странной очкаричкой уже в Главном Управлении МВД по городу Роднинск, даем показания.

Я прилежно отвечал на все вопросы следователя, а у самого из головы не шло зрелище багряно-черных глазниц этого бедняги. Каково испытать такое – когда вырывают твои глаза?

Максима Кузнецова забрали в больницу скорой медицинской помощи, в реанимационное отделение, однако сомневаюсь, что там его беде могли помочь. Да, рану, конечно, обработают, остановят кровотечение, но зрение ему никто уже никогда не вернет, да и психическая травма останется на всю жизнь.

Насколько я понял, Кузнецов был не в состоянии ничего путного поведать про изверга, вырезавшего его глаза. Следователь сказал, что, по словам Кузнецова, на него напали прошлой ночью, нападавшего он не видел, поскольку было темно, и удар по затылку ему нанесли сзади. Позже он помнил, что его куда-то везли связанного, с кляпом во рту; очнулся он в некоем темном помещении, привязанный ремнями, а маньяк разговаривал с ним свистящим шепотом, пока выковыривал глаза, будто косточки из маслин...

В том, что Кузнецова изуродовал маньяк, ни у кого не было никаких сомнений. Какой нормальный человек сподобился бы на такое, какая неслыханная ненависть заставила бы адекватного мужчину или женщину хладнокровно вырезать глаза другому человеку, при этом спокойно и рассудительно разговаривая со своей жертвой?

Несмотря на состояние, близкое к шоку, я обратил внимание на то, что следователь – полный мужик лет сорока с мешками под глазами и брылами – уж очень мрачен и недоволен. Создавалось впечатление, что с такими преступлениями он уже сталкивался, причем недавно, и ему не по душе расследовать похожее дело снова.

Меня пару раз просили подождать в коридоре, пока в кабинет следователя забежали люди в форме и штатском с какими-то докладами. В коридоре я сидел на неудобной скамеечке рядом с девчонкой в очках, которую опрашивали одновременно со мной в соседнем кабинете.

За то короткое время, что мы провели в плохо освещенном коридоре с обшарпанными казенными стенами, я лишний раз убедился, что эта особа «слегка того». Слишком она была заторможенная и спокойная, а взгляд пустой. В Управлении было тепло, почти душно, но она так и не сняла перчаток. Необычное поведение нетрудно списать на шок после пережитого, но я-то помнил ее поведение в магазине, где она гипнотизировала ряды с йогуртом, так что дело не только в шоке.

Чтобы хоть как-то сбросить напряжение, я спросил, как ее зовут, когда мы очутились одни в коридоре. Она ответила тихим голосом, что ее зовут, насколько мне слышалось, Ира.

– Всё будет хорошо, Ира, – бодро сказал я. Наверное, эти слова больше предназначались мне самому, чем ей.

– Ты этого не знаешь, – серьезно ответила она, скользнув по мне взглядом и уставившись на стенд, посвященный действиям при чрезвычайных обстоятельствах, за моим левым плечом. – И меня зовут не Ира, а Лира.

– Лира? – пробормотал я, огорошенный ее резонным ответом. – Интересное имя, красивое...

То ли обстановка и ситуация в целом не позволяли ей отреагировать в шутовском тоне и просто поблагодарить за комплимент, то ли она по жизни отличалась редкой занудливостью, но она опять-таки с чрезвычайно серьезным видом сказала:

– Ничего в нем нет интересного. Обычное имя. И не обязательно меня успокаивать, я в порядке, ты не заметил?

Я прищурился, глядя на нее.

– И тебе не страшно? Не неприятно?

– И страшно, и неприятно, – Лира потупилась. – Но как это поможет Максиму Кузнецову?

– Максиму уже ничего не поможет, – проворчал я, вновь вспомнив пустые глазницы, отчего по коже пробежал морозец.

– Тут ты прав.

Короче, разговор у нас особо не заладился. Оставшееся время мы провели в праздном разглядывании табличек на дверях и проходивших мимо ментов. Мобильники нас заставили оставить в специальных шкафчиках на проходной, так что у нас не было возможности позвонить кому-либо и даже полазить в интернете, пока ждем.

Отпустили нас чуть ли не под утро. У нас взяли номера телефонов и адреса. Отекший то ли от тяжелой и нервной работы, то ли от злоупотребления алкоголем следователь с бесконечно усталым видом сказал:

– Евгений Гардер и Лира Станкевич, прошу в ближайшее время не покидать город. Можете понадобится. И мы возьмем у вас подписку о неразглашении данных предварительного следствия. Уголовно-процессуальный закон, статья 161 УПК РФ, запрещает разглашать данные, если это лицо официально предупреждено следователем или дознавателем. А я вас предупредил.

– Но мы-то не знаем никаких данных, – возразил я.

Следователь вздохнул.

– Скажу по-простому. Все эти страсти-мордасти про вырезанные глаза никому не нужны. Среди населения начнется паника, а паника нам ни к чему, понятно? Поэтому прошу не распространять. Вы просто нашли человека, над которым поиздевались хулиганы, избили его... Никаких подробностей до окончания следствия разглашать вы не вправе даже родным и близким. Это уголовная ответственность! В случае нарушения будете отвечать по закону. Вам это ясно?

Мы с Лирой заверили следователя, что нам всё ясно настолько, насколько это вообще возможно. После этого нам было разрешено ехать домой.

– Ты где живешь? – спросил я Лире. – На Лобачевского? Могу подкинуть.

Она кивнула.

– Спасибо. Я живу в пяти домах от того места, где мы наткнулись на Кузнецова...

Мы пересекли освещенный прожекторами двор перед Управлением. Моя тачка была припаркована на обочине дороги, недалеко от служебной парковки.

– Значит, мы почти соседи, – сообщил я, вынимая из кармана брелок с ключами от машины. Сигнализация пикнула, фары на мгновение вспыхнули, центрозамок глухо щелкнул, отпирая двери. Двигатель заработал. – Я тоже живу на этой улице. Возле «Ориона».

Лира снова кивнула. «Орион» – один из самых крупных торгово-развлекательных комплексов в городе и известен всем и каждому.

– Блин, – продолжил я, когда мы уселись в мягкие комфортабельные кресла. – Через пару-тройку часов на работу пора.

– Я думала, ты не работаешь, – отозвалась Лира.

Я нахмурился, вырывая на пустынную улицу.

– Это еще почему?

– По тебе видно, что ты из обеспеченной семьи. Такие, как ты, не работают.

Я недоволю фыркнул. Если бы Лира заявила это высокомерным или брезгливым тоном, я бы ответил ей так, что у нее из ушей дым пошел и очки запотели, но она проговорила сию сентенцию равнодушным голосом, как будто размышляла о курсах валют.

– Ты сделала такой вывод по моей тачке? А что, если я копил на нее много лет?

– Со стипендии? – без улыбки спросила она.

– Ладно... – Я ухмыльнулся. – Уела. Но всё равно я работаю. Я – ландшафтный дизайнер, создаю с помощью специального приложения модели ландшафтов и интерьера. Могу и от руки нарисовать все что угодно – от портрета и натюрморта до масштабной картины в стиле гиперреализма. Зарабатываю неплохо... в отцовской фирме...

Я и сам не понял, зачем рассказываю о своей работе в отцовской фирме этой чудаковатой Лире Станкевич. Она слушала как-то рассеянно, точно думала о чем-то своем, но в то же время я был уверен, что слушает она внимательно.

– Ты работаешь или учишься? – спросил я, когда мы начали переезжать через Верный мост. Река, серой громадой раскинувшаяся между берегами, была на редкость спокойна и пустынна этим утром.

– Я фрилансер, – коротко сообщила Лира. – Копирайтер и корректор.

– Целый день сидишь дома?

– Не всегда, – неопределенно ответила она. – Сегодня, например, я дома не сидела.

– Предпочитаешь гулять по ночам?

Лира кивнула, не отрывая взгляда от мокрого асфальта, стелющегося перед нами:

– Я – сова. Ночью не видно всего... – Она потеряла крыло носа и судорожно перевела дыхание. – Всего неправильного...

– Зато можно встретить человека с вырезанными глазами, – брякнул я с нервным смешком.

Лира поежилась и, протянув руку, поставила собачку на приборной панели ровно, мордой к нам, хвостом к дороге впереди. От меня не укрылось, как она помрачнела.

– Во тьме можно встретить всё, что угодно, – медленно, с расстановкой заговорила Лира. – Он отпустил этого беднягу, Максима. Максим не сбегал. Тот, кто сделал это с ним, отпустил его специально.

Разумеется, до меня сразу дошло, о ком она говорит. Было бы странно, если бы не дошло.

– И зачем он это сделал? – сказал я. – Типа послание? Как это делают маньяки в триллерах?

Лира покачала головой.

– Этого нельзя сказать точно. Это один случай. Закономерность выявляется только тогда, когда случаев больше одного.

Я на секунду оторвался от лицезрения дороги впереди и окинул Лиру удивленно-восторженным взглядом.

– Ну и кровожадная же ты, Лира Станкевич! Тебе и одного случая мало?

Лиру заметно передернуло. Она поплотнее прижала к себе рюкзачок и произнесла, по-прежнему не глядя на меня:

– Я не кровожадная... И не хочу никому зла, ясно?! Но если зверства продолжаться, этого слепителя будет легче поймать. Он будет оставлять следы, будет повторяться... Я понимаю, что это очень цинично звучит, но только если он повторит нападения, мы сумеем распознать закономерности...

– А если его поймают быстро? После этого одного случая?

– Было бы хорошо... – проговорила Лира. И добавила: – Мы приехали, Женя.

Я припарковался у ворот большого двухэтажного коттеджа. Похоже, ее предки тоже не страдали от безденежья. Лира попрощалась и вышла. Я поглядел ей вслед. Странная девушка, с приветом.

Небо над городом быстро светлело, наступал очередной день. Я поехал домой, чтобы хотя бы принять душ и переодеться. Через пару часов мне идти на работу. Конечно, я мог бы взять отгул, но делать этого не буду. Батя и так считает, что я пользуюсь малейшим поводом не ходить на работу, пора бы убедить его в обратном.

Глава 3

Как я понял, подписку о неразглашении полицейские взяли не только с меня и Леры, но и с работников «скорой», персонала реанимационного отделения, где находился Максим Кузнецов, его родных и близких и вообще всех, кто был в курсе. Никакой паники в ближайшие дни в городе не наблюдалось; случай не получил в средствах массовой информации сколько-нибудь существенной огласки. По телику и на сайте новостей нашего города вскользь упомянули о «зверском нападении на гражданина К.», в результате которого он получил «тяжелые увечья», и о заведении по этому поводу уголовного дела.

Я не строил иллюзий, что властям удастся скрыть этот случай полностью. Как известно, «на чужой роток не накинешь платок»; рано или поздно кто-нибудь да проболтается.

Лично меня так и подмывало разболтать всё моим двум подружкам и трем близким друзьям, но я мужественно выдержал характер. С одной стороны, я не желал потворствовать мерзким замыслам маньяка навести ужас на город, если таковые имели место; с другой, не хотелось связываться с уголовно-процессуальным кодексом.

Иногда я задумывался, сможет ли Лира удержаться от рассказов о жутком приключении, и отвечал сам себе, что, скорее всего, сможет. Она не производила впечатления общительной и разговорчивой особы.

Она показалась мне чуточку сумасшедшей, какой-то заторможенной и не от мира сего. Вряд ли на ее месте Кира или Наташа повели себя так же сдержанно.

Что касается ее внешнего вида, то я придерживался мнения, что черты лица у нее тонкие и правильные, а фигура, насколько можно было разглядеть при обилии одежды, весьма неплоха; вот если бы ее нарядить, да накрасить, как надо... Однако как девушка Лира меня совсем не заинтересовала. Этаким синий чулок, общаться с которым зачастую бывает интересно, но со временем начинаешь скучать и чувствовать себя идиотом.

Несколько дней после встречи с Кузнецовым ничего особенного не происходило. Я успевал трудиться на ниве ландшафтного дизайна, встречаться одновременно с двумя девушками, а один раз выбрался с друзьями в новый суши-бар, где Глеб отпраздновал день рождения. Нас обслуживали официантки в костюмах гейш, перед входом в бар стояли самураи (правда, с физиономиями, которые лучше смотрелись бы в костюмах иванушек-дурачков), и с ними можно было за определенную сумму сфотографироваться.

Я почти начал забывать тот случай с вырванными глазами, когда, через пять дней, 17 октября, произошел еще один такой же случай. На сей раз скрыть подробности нападения ментам не удалось: на жертву маньяка, Аистову Людмилу, на проспекте Гоголя наткнулась группа молодых людей, среди которых было два журналиста. Эти двое, будучи настоящими профессионалами своего дела, не растерялись, тут же сняли обливающуюся кровью беднягу на камеры смартфонов, отправили запись в редакцию, а уж после этого вызвали «скорую».

Уже через четверть часа на местном канале вышел «шокирующий» репортаж, в котором неоднократно звучали такие слова, как «маньяк-террорист», «роднинский слепитель», «похититель глаз», «ужасающее преступление» и прочее в том же духе. Репортаж обеспечил телеканалу неслыханный за последние двадцать лет рейтинг и поднял первую волну паники. На следующий день репортеры и журналисты ринулись в бой с усердием оголодавшей волчьей стаи и мгновенно выяснили, что случай с Аистой не первый. Как и случай с Кузнецовым.

Я с удивлением прочел в ленте новостей, что маньяк действует уже давненько. Мне вспомнилась унылая мина следователя. Еще бы, кто б обрадовался, узнав, что на подконтрольной ему территории разгуливает маньяк, поймать которого пока не представляется возможным?

Теперь к панике прибавилась ругань в сторону властей, которые действовали в своем репертуаре, то есть как последние кретины. Вместо того чтобы предупредить население об опасности и начать масштабные поиски преступника, они предпочли всё скрыть.

Поздним вечером 20 октября почти в центре города была найдена еще одна жертва Роднинского Слепителя – совсем еще молодой парень по имени Аркадий Грушко. Вот тогда-то поднялась вторая волна паники, а о маньяке, вырезающем глаза ни в чем не повинным людям, узнала вся страна.

Кое-кто из ближайшего окружения мэра предложил ввести комендантский час, но его предложение не нашло достаточной поддержки. По телику, в газетах и интернете полицию ругали все, кому не лень, потому что преступник до сих пор не был пойман. По городу ходили страшные рассказы «очевидцев», которые якобы нос к носу встретились с маньяком и ухитрились убежать от него в последний момент. Как это часто бывает, оживились шизофреники всех мастей, одна половина из которых убеждала всех и каждого, что знают, где скрывается маньяк, а другая половина с апломбом заявляла, что сами они – Роднинский Слепитель.

В интернете, словно дождевые черви после летнего ливня, вылезали на свет божий гипотезы, теории и самые разные спекуляции по поводу личности и мотивов Слепителя. Множились фотожабы, на которых анонимные остроумцы предлагали Слепителю «поработать» над мэром и его ближайшим окружением, пририсовывали дыры вместо глаз известным личностям. Рождались анекдоты на тему глаз, демонстрирующие чернейший юмор их создателей.

Одна из картинок-демотиваторов изображала лысого мальчика из «Матрицы», державшего перед собой блестящую ложку; надпись снизу гласила: «Ты следующий!»

В социальной сети «ВКонтакте» кто-то создал паблик поклонников Слепителя, который набрал миллион подписчиков за два дня. На третий день паблик был заблокирован администрацией сайта.

Кроме всей этой псевдоостроумной чуши, в Сети периодически появлялась и полезная информация. Например, стало известно, что Слепитель всегда нападал поздно вечером, бил жертву по голове сзади. Жертвы приходили в себя связанными в машине или уже в некоем темном помещении, в которое извне не поступало никаких звуков. Предполагалось, что это помещение расположено где-то под землей. Непосредственно перед «удалением глазных яблок» маньяк предпочитал поговорить с жертвой, но никакой полезной информации из этих разговоров извлечь было невозможно. Собственно, никто из жертв не мог бы с уверенностью сказать, мужчина перед ним или женщина, потому что маньяк разговаривал шепотом. Все, однако, считали маньяка мужчиной хотя бы потому, что обычной женщине не под силу таскать туда-сюда жертвы...

Непонятно было еще и то, каким образом преступник умудряется вырезать глаза в полной темноте. Он что, использует прибор ночного видения? Какой-то умник в интернете предположил, что на самом деле жуткая «операция» проводилась при свете, но жертвы ничего не видели, потому что Слепитель лишал их зрения заранее, вводя какое-то вещество в организм жертв. Другой умник поднял первого на смех, напомнив, что в организме жертв не было обнаружено никаких неполюженных веществ – об этом сообщали в вечерних новостях.

Мне вспомнились слова Леры о том, что если нападения повторятся, то можно будет выявить закономерность и найти преступника. У меня в голове возникла мысль поехать к Лире и поинтересоваться, как обстоят дела с закономерностями, но позже я отказался от этой сомнительной идеи. Что сделает эта чудачка, когда над преступлениями Слепителя бьются все полицейские города?

Однако события сложились так, что мы с Лирой встретились снова. 20 октября, в четверг вечером, когда я уже приехал с работы и валялся дома перед телевизором, вдруг сработала сигнализация автомобиля.

Я выскочил на балкон, откуда открывался вид на двор, в котором я ставил свою ненаглядную тачку. Моя квартира на втором этаже, так что в крайнем случае можно спуститься по балконам вниз и надавать потенциальному угонщику по ушам.

Дождя, столь частого в Роднинске в это время года, сегодня не было, зато над городом висел плотный сероватый туман, искажавший перспективу и превращавший дома и деревья в призрачные силуэты. Несмотря на туман, я сразу разглядел припаркованную чуть ли под моими окнами тачку и тонкую фигурку в красном пальто.

Выругавшись сквозь зубы, я вырубил сигнализацию, пока меня не прокляли все соседи в округе.

– Извини, – крикнула снизу Лира, – не знала точно твой адрес, зато узнала машину. Решила, что когда сработает сигнализация, ты сразу появишься...

– Ты ее не поцарапала? – проворчал я.

– Нет, я только хлопнула ладонью по капоту...

Она помахала пятерней. Я заметил, что она снова в перчатках.

Поколебавшись, я сделал приглашающий жест:

– Поднимайся. Я открою дверь в подъезде.

Лира покачала головой.

– Я не буду подниматься. Лучше ты спустись.

– А что случилось-то?

– Надо поговорить.

Ворча под нос, я накинул поверх домашней футболки куртку с капюшоном, натянул толстые носки и спустился во двор. Лира по-прежнему стояла возле машины и глядела на меня сквозь линзы в очках.

Не дожидаясь вопроса, она сказала:

– Я насчет Слепителя.

Я смерил ее взглядом, быстро соображая. А что, если она не просто чудачка, а шизофреничка с маниакально-депрессивным синдромом, который вынуждает ее выковыривать глаза людям ложкой? Да нет, опроверг я сам себя, это вряд ли. Она слишком субтильна, чтобы таскать мужиков вроде Кузнецова, и не стала бы болтать про поведение маньяка с первым встречным.

– Только не говори, что нашла закономерность... – насмешливо произнес я, хотя сердце у меня часто забилося.

– Нашла, – ответила она. – И знаю, когда и где появится следующая жертва Слепителя.

Глава 4

Я моргнул.

– И когда?! – завопил я так громко, что толкавшиеся возле скамеек голуби шумно взмыли вверх, а соседка, возвращающаяся с прогулки в обществе длинной, как колбаса, таксы, вздрогнула и возмущенно воззрилась на нас. – И где?!

Слегка поморщившись от мощи моих голосовых связок, Лира тихо ответила:

– Завтра. В районе Зодиакального парка. И не кричи так, пожалуйста.

– Как ты узнала? – спросил я, понизив голос. – Что за закономерность?

– Не уверена на сто процентов, – Лира отвела глаза и пнула камешек, – но, кажется, эта закономерность – числа Фибоначчи...

– Чего?

Соседка с собакой – тощая и остроносая тетка, сама похожая на таксу, вставшую на задние лапы, – как бы нечаянно подошла ближе и наострила уши. Из соседнего подъезда вывалилась шумная компания детишек.

– Сядем в машину, – предложил я.

После того, как мы уселись, лишив соседку удовольствия подслушивать наш разговор, я повернулся к Лире, которая сидела со сложенными на коленях руками и опущенными глазами, будто прилежная гимназистка рядом с нетрезвым гусаром.

– Итак, какие еще числа?..

Лира закопошилась, достала из рюкзака блокнот и ручку и, не снимая перчаток, принялась писать четкими печатными буквами.

– Смотри... Первое появление жертвы Слепителя, еще до нашего Кузнецова, произошло 4 октября. Жертвой была Свиридова Лариса. Потом появился Кузнецов, это было 12 октября. Еще потом Людмила Аистова, 17 октября... После нее – Аркадий Грушко, 10 октября. Время, когда он выбрасывает жертвы на улицу, всегда примерно одинаковое – между десятью тридцатью и полуночью.

Она записала в столбик фамилии жертв, проставив везде даты их появлений на улицах, уже без глаз... Я напряг мозги, стремясь проследить тут закономерность, но ничего особенного в этом списке не увидел.

– Ну и что? – озадаченно спросил я. Меня осенило: – Разве что... Он чередует мужчин и женщин! – Я оборвал сам себя. – И что дальше? Мы узнали, что маньяк – не гендерный шовинист, вот и всё...

Лира могла бы в эту минуту закатить глаза и высказаться о моих скудных умственных способностях, но она лишь покачала головой:

– Нет, Женя. Обрати внимание на даты. Между Свиридовой и Кузнецовым прошло восемь дней. Между Кузнецовым и Аистойой – пять, между Аистойой и Грушко – три дня. Восемь, пять и три – это последовательность Фибоначчи. Еще их называют числами Фибоначчи. Только здесь последовательность идет наоборот...

– У меня по математике четверка с минусом, – сообщил я. – Да и то потому что я нравился училке, иначе был бы трояк.

Лира поглядела на меня исподлобья.

– Числа Фибоначчи – это такая последовательность натуральных чисел, когда каждое следующее число равно сумме двух предыдущих. Например, один и два в сумме дают три. Два и три – пять. Три и пять – восемь, пять и восемь – тринадцать... И так далее. Соотношение между каждыми смежными числами дает пропорцию, равную «золотому сечению».

Наконец-то я услышал знакомые слова.

– Я знаю, что такое «золотое сечение»! Это соотношение, которое создает впечатление красоты и гармонии, например, объем талии к бедрам у женщин или груди к бедрам у мужчин... Длина рук к длине ног... Мы проходили в институте.

– Ну да, ты должен знать, ты же художник, – подтвердила Лира. – Но эти пропорции присутствуют не только в человеческом теле. К примеру, раковины моллюсков, ветви деревьев и некоторые другие фрактальные структуры в природе отображают последовательность Фибоначчи...

Выговорив эту мудреную фразу, она начертила прямоугольник, разделила его на две неравные части. Потом маленькую часть снова разделила на две неравные части. Повторив этот трюк еще несколько раз, она соединила стороны полученных прямоугольников кривой, которая свернулась спиралью, похожей на раковины вышеупомянутых моллюсков.

Я восхищенно присвистнул.

– Тебе, Лира, надо в институте преподавать! – После короткой паузы я добавил: – Только это случайность.

– Почему?

– Наш маньяк вряд ли такой умный, да и вообще, на кой ему этот математический геморрой, прости за некрасивую аналогию... Кого он хочет восхитить? Математиков? Да и всего лишь три числа ни о чем не говорят. Просто так у него вышло... Случайно.

– Случайность – это обратная сторона закономерности, – ничуть не смутившись, сказала Лира. – Если допустить, что моя теория правильная, то следующий случай произойдет завтра, 22 октября, между десятью тридцатью и полночью.

– И где? – Я старался сдерживать нотки скепсиса в голосе.

Она снова раскрыла рюкзачок и извлекла небольшую карту города. Мне стало интересно, что еще она там носит, – бинокль, компас и пистолет? Или наручники? Я сдержал смехок, представив, какое применение можно найти наручникам...

– Вот эти точки – места появлений ослепленных жертв, – сказала она, не подозревая о неуместном ходе моих мыслей. – Если соединить их линией согласно очередности появления жертв, то получится...

– Раковина Фибоначчи! – заорал я в полном восторге. – Блин, ну ты даешь, Лира! А если продолжить линию?

Лира продолжила, и линия пересекла Зодиакальный парк, расположенный на западе города, недалеко от набережной.

– Зодиакальный парк, 22 октября, – сказала Лира. – Одна и та же закономерность в пространстве и времени не может быть случайной, как думаешь?

Я был в шоке. Еще никогда прежде я не испытывал такого восторга; никакие забавы в ванной с Кирой, выход «в свет» с Наташей или общение с друзьями не дарили мне таких феерических эмоций.

– Не может, тысяча чертей и одна ведьма! – хохотнув, сказал я. – Это не случайность! Да ты Шерлок Холмс!

Лира слегка порозовела и поморщилась.

– Ну, у меня нет дедуктивной или индуктивной логики, это точно. Я просто замечаю закономерности... вижу порядок в хаосе.

– Всё равно потрясающе! Надо сообщить ментам!

Лира помрачнела.

– Уже пробовала. Только что оттуда. Следователь меня выслушал и вежливо поблагодарил.

– В смысле? Не поверил? Решил, что ты... того? – спросил я, подумав, что при виде Лир нетрудно прийти к подобному выводу.

– Увы. Видимо, в последнее время в полицию часто обращаются всяческие экстрасенсы, визионеры, шарлатаны и просто шизофреники со своими «услугами». Меня записали туда же.

– Ясно... Поэтому ты пришла ко мне?

– Да.

– Думаешь, мы должны попробовать его поймать? Этого Роднинского Слепителя?

– Я не знаю... Но мы должны хоть что-то сделать... Это чудовище нужно остановить, ты согласен? Теперь, когда мы знаем...

– Так, – сказал я, лихорадочно размышляя. – И всё-таки: зачем этому Слепителю следовать какой-то там закономерности? Он что, рехнувшийся математик?

– Логику маньяка трудно понять, – Лира пожалала плечами. – На этот вопрос тебе ответил бы психолог-криминалист. Я только умею замечать закономерности. Может, он отправляет кому-то послание, тому, кто способен его понять.

Меня охватило ни с чем не сравнимое чувство предвкушения чего-то необычного. Чертик, живущий во мне, пробудился и с интересом завертел рогатой головкой, пригнувшись к воздуху.

– Мы его поймаем! – сказал я.

– Как? – испуганно спросила Лира. – Мы вдвоем, без оружия, против маньяка? А если он вооружен?

Я немного притормозил. Действительно, маньяки – люди опасные, а мне мои глаза еще пригодятся...

– Ну хотя бы проследим за ним, запомним номера машины, внешние данные. Хоть какая-то польза ментам. Кстати, они будут к тебе прислушиваться, если очередная жертва появится именно завтра и именно в парке Зодиака. Верно?

Лира заколебалась, теребя блокнот.

– Испугалась? – догадался я. – Тогда я один туда сметаюсь.

Лира порывисто повернулась ко мне. Лицо ее отвердело.

– Ну уж нет! – выпалила она. – Встречаемся завтра в парке в десять вечера.

И, не успев я хоть как-то отреагировать на это смелое заявление, которое много говорило о характере Леры, она быстрым движением снова поправила игрушечную собачку на приборной панели и вышла из машины.

Глава 5

Почти сразу после ухода Лиры я пожалел, что предложил выследить Слепителя. Богатое воображение художника нарисовало картину, где я, запертый в темном помещении, связанный ремнями по рукам и ногам, подвергаюсь тошнотворной и отвратительной экзекуции маньяка. Спал той ночью я неважно, а беспокойство насчет предстоящего дела не отпускало меня почти весь следующий день.

Тем не менее, передумывать я не собирался. Я был твердо уверен, что если откажусь от запланированного мероприятия, то буду корить себя всю оставшуюся жизнь. Иногда лучше нырнуть в омут, чем маяться на берегу до скончания века.

Впрочем, долго мое беспокойство не продлилось. После обеда, 22 октября, позвонила моя пассия номер два Наташа Сидоренко с неожиданным предложением сходить вдвоем в театр на спектакль с неблагозвучным и труднопроизносимым названием «От муладхары до сахасрары». Два билета на спектакль ей подарил некто Симеон Коровин, балетмейстер, восторженный внешними данными и харизмой Наташи. Они познакомились во время одной из фотосессий для журнала «Vogue». Меня совсем не обеспокоила щедрость старины Симеона, поскольку, несмотря на восхищение женскими статьями, он предпочитал любить представительей того же пола, что и он сам.

Спектакль заканчивался около девяти вечера, поэтому я успевал на встречу с Лирой. И я согласился, надеясь, помимо всего прочего, отвлечься от тревожных дум.

Я заехал за Наташей, одетый в темный стильный костюм, который купил еще в прошлом году, но с тех пор надевал всего пару раз. Наташа, естественно, тоже не ударила в грязь лицом: соорудила мощную прическу, а под короткой шубкой надела сверкающее платье, которое не столько прикрывало, сколько подчеркивало все ее прелести.

Спектакль, несмотря на интригующее название, меня не впечатлил. Наташа, сидя рядом и овеивая меня ароматами дорогого парфюма, шепотом сообщила, что «Муладхара» и «Сахасрара» – это названия двух чакр человеческого организма, находящихся соответственно в районе тмени и промежности. Получалось, что слова «от муладхары до сахасрары» означало что-то всеобъемлющее и в то же время эротическое.

В самом спектакле ничего всеобъемлющего и эротического я не заметил. Два битых часа люди в облегающих костюмах телесного цвета ползали по сцене, утопающей в тумане. Время от времени кто-то из актеров дико вскрикивал и начинал биться в судорогах. Зрители следили за этим дурдомом внимательно, Наташа сидела с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, а я думал о предстоящем деле в парке Зодиака.

Удастся ли нам выследить маньяка? Получится ли мне его схватить? Ведь он не подозревает, что кто-то вычислил его математическую закономерность! Или подозревает?

Наташа уловила мое нервное состояние.

– Что с тобой? Ты невнимателен, Женя! – попеняла она.

– Нет, всё в порядке, Наташа...

Я сделал вид, что захвачен корчами идиотов на сцене. Периодически засыпая с открытыми глазами, я с превеликим трудом досидел до конца этого безумия и дал себе зарок больше никогда не ходить в театр на подобные спектакли. Уж лучше попасться в лапы Слепителю...

Когда мы шли к гардеробу, почти все мужчины провожали жадными взорами Наташу. Это внимание давно надоело самой Наташе и с некоторых пор даже не льстило моему мужскому тщеславию.

– Потрясающая работа! – грудным голосом сказала Наташа, когда я подал ей шубку. – Ты оценил весь сюрреализм и метафоричность ситуации? Ползающие люди – это тщетность

и тлен нашего бытия в отсутствии духовности. Материя всегда вторична по отношению к душе, и потому, выставя себя на передний план, неизбежно обречена на муки...

«Как и я на этом спектакле», – хотелось сказать мне. Но произнес я иное:

– Знаешь, иногда муки причиняет вполне конкретный человек. Скажем, Роднинский Слепитель.

Наташу передернуло.

– Боже мой, Женя, это ужасно! Это психически больной человек! Но даже он выполняет роль орудия кармы и сам же обрекает себя на мучения в мире Сансары.

– Вряд ли это утешит тех, у кого он выковырнул глаза.

– Евгений! Сейчас же перестань говорить эти ужасные вещи! Мне страшно...

– Ну, прости, Наташенька, – автоматически сказал я. Меня внезапно начала раздражать манерность Наташи, которая раньше всего лишь забавляла. – Если мы все перестанем об этом говорить, глядишь, и маньяк одумается...

Наташа покосилась на меня. Мы уже вышли из здания театра и шли к парковке.

– Слушай, – внезапно без намека на манерность сказала она, когда мы садились в машину, – ты сегодня сам не свой, Гардер. Проблемы на работе? Что стряслось-то?.. Знаешь что? Поехали ко мне! Дома у меня сегодня только Рафаэль.

Я в изумлении поднял брови. Поскольку Рафаэль – это сиамский кот Наташи, которого можно не принимать в расчет, было яснее ясного, что Наташа зовет меня провести ночь у нее дома вдвоем. Раньше такой инициативы она не проявляла, мне приходилось уговаривать ее остаться ночевать у себя.

В любой другой день я с радостью согласился бы на это предложение, но сегодня у меня были планы, которые, как выяснилось, представлялись более соблазнительными, чем ночь с фотомodelью. Никогда не представлял себе, что предпочту гоняться за маньяком, подвергая себя опасности потерять зрение или жизнь, нежели кувыркаться в постели с девушкой, чьи пропорции весьма близки «золотому сечению».

– У меня сегодня дела, Наташенька...

Лицо подруги окаменело. Она одарила меня долгим взглядом ледяных глаз.

– Не поняла? – наконец сказала она. – Какие еще дела в субботу вечером?

– Встреча с заказчиком, – не задумываясь, ответил я, попутно удивившись собственной находчивости.

В кабине машины снова повисла тягостная пауза. Я не решался завести двигатель – Наташа расценит это как мое нежелание продолжать разговор.

– У тебя другая, да? – задала она сакраментальный вопрос прямым из мыльных опер.

А всё-таки она умна, подумалось мне. Казалось бы, какое поразительное сочетание – ум и красота; как говаривал старина Сидни Шелдон, «если ты красива и к тому же наделена мозгами и достаточно тесной вагиной, этого вполне достаточно, чтобы заполучить весь мир»... Как странно, что такие женщины предпочитают общаться с такими, как я...

– Нет у меня никакой другой, – отрезал я как можно более возмущенно, представляя при этом почему-то Лиру, а не Киру Выборнову.

Наташа фыркнула. Это фыркание прозвучало зловеще, как рык львицы перед прыжком.

– Поклянись!

Я вздохнул.

– Наталья Сидоренко, я, Евгений Гардер, клянусь, что сегодня вечером еду на очень нужное и важное дело. Даже в чем-то опасное... В смысле, если переговоры сорвутся, я потеряю хороший проект, – пояснил я, заметив, как Наташа вздернула соболиную бровь. А поскольку она явно ждала продолжения, добавил: – И это дело не имеет ни малейшего отношения к любовным делам, измене, сексу и всему такому прочему.

Несмотря на обтекаемую формулировку, моя клятва, судя по всему, Наташу удовлетворила. Она впервые за долгое время улыбнулась, и весь ее облик сразу потеплел. Я моментально вернул ей улыбку.

– Тогда приезжай, когда закончишь дела, – шепнула она. – Хоть ночью, хоть под утро...

Я довез ее до дома и, потратив еще несколько минут на прощальные лобзания, помчался в Зодиакальный парк. Из-за спешки пару раз пришлось нарушить ПДД, но, к счастью, сотрудников ДПС или вездесущих камер при этом поблизости не было. Я не опоздал – припарковался перед залитым светом фонарей входом в парк без пяти минут десять.

Сегодня желающих прогуляться в парке, насколько я разглядел, было мало. Вся эта истерия по поводу маньяка вкупе с сырой и холодной погодой сделали свое дело. В будке за входом маячил силуэт охранника, несколько человек – мужчин среднего возраста – курило возле урны, беседуя и то и дело раздражаясь грубым смехом.

Лира сидела на скамейке прямо под фонарем в нескольких шагах от скульптуры, изображающей Скорпиона. Прочие Знаки Зодиака выстроились по всему периметру парка. Лира крутила в руках, затянутых в неизменные перчатки, какой-то небольшой предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался кубиком Рубика.

Я подошел к Лире, засовывая поглубже в карман куртки тонкую телескопическую дубинку, которую прихватил из дома на случай прямой конфронтации с маньяком.

При звуке моих шагов Лира подняла глаза и задержала рассеянный взгляд на костюме под незастегнутой курткой.

– Прекрасно выглядишь, – сказала она тихо и серьезно. – Не думаю, что было обязательно так одеваться.

– Для меня охота на маньяка – праздник! – сообщил я, оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что нас никто не слушает. – Что будем делать? Заляжем в окопы?

Лира, одетая в серо-голубую куртку с капюшоном, вязаную шапочку, джинсы и ботинки со шнуровкой, встала и слегка поежилась. Я обратил внимание, что вся ее одежда не имеет ярких цветов. Сунув кубик Рубика в карман, она сказала:

– Для начала надо осмотреться. – Она понизила голос и почти шепотом продолжила: – Он вырезает глаза жертвам где-то в другом месте. Темном месте. Может быть, это подвал.

– То есть он уже изуродовал очередного бедолагу, – глухо проговорил я.

До меня только сейчас дошло, что пока я сидел в театре, этот упырь калечил какого-то человека... Я настолько сконцентрировался на том, чтобы выследить маньяка, что забыл об этом очевидном факте.

– ...Потом привозит на место в соответствии с последовательностью Фибоначчи, – сказала Лира. – Значит, у него есть машина. – Она задумалась. – Если б мы знали, сколько времени занимает перевозка каждой жертвы, мы бы примерно вычислили исходную точку...

Она погрузилась в размышления, кусая губы. Взгляд за стеклами очков совсем расфокусировался. Мужики возле урны по-прежнему похохатывали, травя то ли анекдоты, то ли еще какие байки. По дороге перед парком проносились машины.

Я прервал молчание:

– Лира, тебе не страшно?

Она вздрогнула, словно проснулась от резкого окрика.

– Страшно... Но я стараюсь думать о другом... Наша цель – просто следить. Если заметим машину, ее номер или самого Слепителя – это будет хорошо...

– Зачем тебе это? – спросил я, пристально глядя на нее.

Лира улыбнулась.

– А тебе зачем? Ты наверняка сейчас мог бы быть в другом месте. Гораздо более приятном.

Мне на секунду представилось видение Наташи в кружевном белье, возлежающей на огромной постели и манящей меня пальчиком...

Не дождавшись ответа, Лира предположила:

– Адреналин? Жажда погеройствовать? Стремление наказать преступника? Разгадать загадку?

Я хмыкнул, прогоняя воображаемую Наташу, и возвращаясь в стылый парк.

– Наверное, всего помаленьку...

От группы курильщиков-весельчаков отделился человек лет пятидесяти в дорогом коричневом пальто, широкоплечий и коренастый, с мясистым лицом.

– Простите, молодые люди, не могли бы вы мне помочь? – пробасил он. – Дочка подарила смартфон, а я его случайно как-то заблокировал... Мои друзья, – он кивнул в сторону остальных мужчин, которые не обращали на нас никакого внимания, – такие же динозавры, как и я, не разбираются в высоких технологиях...

Проблема была ерундовой, я разблокировал телефон, мимолетно подивившись непонятности «динозавра», после чего и мужчина, и вся его компания отчалили.

– Вряд ли кто-то среди них Слепитель, – сказала Лира, будто прочитав мои мысли.

– Почему ты так думаешь?

– Маньяки – индивидуалисты, они не собираются в стаи... Я прочитала сегодня несколько статей о маньяках.

– Понятно. – Я застегнул куртку, так как начинал подмерзать. – Ну что, Лира, пойдем делать обход? Здесь слишком светло, да и охранник сидит, не будет же Слепитель вышвыривать жертву на виду у всех? Поищем другие места, где можно заехать в парк вдали от людей.

Некоторое время мы прогуливались по парку, как самая обычная парочка. Когда мы углубились в аллеи, выяснилось, что есть множество людей, которые либо никогда не слышали о Слепителе, либо отличаются полным отсутствием инстинкта самосохранения. Либо, на худой конец, полностью доверяет полиции, которая, как известно, нас бережет, хоть далеко не так старательно, как хотелось бы. Вместе с нами гуляло еще несколько парочек, интеллигентного вида дед с сенбернаром, трио женщин бальзаковского возраста (в современной интерпретации, то есть за сорок, а не за тридцать) и даже семейная пара с тремя детьми.

Дойдя до конца парка, где фонарей было меньше и светили они как-то тускло, мы остановились у чугунной ограды, за которой проходила узкая дорога – улица Покровского. На другой ее стороне, за забором из гофрированной жести в полумраке вырисовывались контуры руин здания, когда-то давно разрушенного упавшим краном и до сих пор не восстановленного.

– Неплохое место для Слепителя, – прошептал я. – Сколько времени?

– Половина одиннадцатого, – так же тихо ответила Лира, нахохлившись и неосознанно прячась у меня за плечом. – Может, немного отойдем? Нас видно издали...

Я охотно согласился. Находиться в этом темном дальнем уголке парка было некомфортно. Мы прогулочным шагом отошли к неработающему в это время года фонтану, где тусовалась группа студентов. Я скользнул по ним взглядом, и меня пробрала мгновенная дрожь: одна из студенток была мне очень хорошо знакома.

– Женя?!!

– Э-э-э... Привет, Кира, – растянув губы в неестественной улыбке, отреагировал я.

Кира Выборнова отошла от одноклассников и подошла к нам с таким видом, точно не верила глазам.

– Ну, привет, Гардер, – протянула она.

– Что ты тут делаешь так поздно? – спросил я, стараясь перехватить инициативу.

– Мы отмечали сдачу рубежки по бухгалтерскому учету, – ответила она, остановившись от нас в одном шаге и поглядывая на Лиру. – Я писала тебе в «Вайбере» об этом, хотела, чтобы ты тоже пришел... Ты не прочитал сообщение.

– Замотался! – Я нервно хихикнул, слегка загораживая Лиру на случай, если Кира захочет немедленно разорвать ее на части.

Атмосфера накалялась, хотя мы разговаривали вполне вежливо.

– Вижу, – холодно сказала Кира. Видимо, она решила не устраивать сцен перед столькими зрителями. Она еще раз смерила взглядом Лиру и презрительно поджала губы. – А еще вижу, что твой вкус стал намного хуже... Ладно, Гардер, завтра поговорим.

Оно быстро ушла к одноклассникам, не дав мне возможности произнести заготовленную фразу о том, что в такое время гулять опасно. Как нетрудно догадаться, они сидели в кафе где-то поблизости, а теперь вышли прогуляться, и на маньяка им было начихать.

– Кто это? – спросила Лира, когда мы опять двинулись в конец аллеи.

Я осознал, что продолжаю глупо улыбаться, и поспешил стереть улыбку.

– Та, кто убьет меня завтра, если до этого не прикончит маньяк, – проворчал я. – Даже не знаю, в чьи лапы мне хочется попасться меньше...

– Твоя девушка?

– Для детектива ты туго соображаешь, Лира. – Мне не удалось сдержать раздражения.

– У меня нет способностей детектива, – уточнила Лира с занудливостью круглой отличницы, – я просто...

– ...Выявляешь закономерности, я понял, – сказал я примирительным тоном.

Дорога позади парка была пустынна. Слепитель, кем бы он ни был, не торопился подтверждать гипотезу Лир.

– А она хорошенькая, – заговорила моя спутница после короткой паузы. – Твоя девушка.

В моей голове одновременно прозвучало три ответа на это заявление:

«Она о тебе другого мнения»...

«Ты еще вторую не видела»...

«Скорее всего, она уже моя бывшая девушка»...

Но я промолчал. К счастью, Лира не стала развивать тему.

– Сколько времени? – снова спросил я, хоть и мог сам посмотреть время на телефоне.

– Без десяти одиннадцать, – тут же ответила Лира, не вынимая рук из карманов.

До меня дошло, что и в первый раз она не смотрела на часы. Я уже собирался спросить ее, как она узнает время, когда заметил едва видимые в темноте камеры на столбах у забора.

– Он сюда не придет, – заявил я.

– Почему?

– Если его до сих пор не поймали, значит, он далеко не дурак и избегает камер. А камер нет только со стороны Варшавской улицы.

Мы переглянулись.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась Лира.

– Обратил как-то внимание. Те, у кого машина, замечают такие вещи.

Варшавская пролегла вдоль северо-восточной части парка и под прямым углом пересекала улицу Покровского. Освещение там было получше, а на другой стороне выстроились частные дома, полускрытые высокими заборами. Неосознанно ускоряя шаг, мы двинулись по аллее на северо-восток. Студенты у фонтана, в том числе Кира, уже испарились, но сейчас я не мог думать ни о чем другом, кроме возможной встречи со Слепителем.

Проломившись сквозь кусты, мы вплотную встали возле чугунной ограды. Освещенная фонарями улица была пустынна, как и Покровская, лишь метрах в двадцати от нас стоял одинокий минивэн «Шкода Румстер» серого цвета, с открытым багажником и выключенными огнями. Номера трудно было рассмотреть из-за толстого слоя пыли и плохого освещения.

– Это он? – прошептал я и вздрогнул, когда Лира схватила меня за локоть.

– Кажется, там никого нет... – помолчав, сказала она едва слышно.

Действительно, автомобиль был пустой, а багажник открытый. Возможно, какой-то недотепа отошел отлить в кустах? Куда бы он не отошел, возвращаться явно не торопился. Мы протарасились на минивэн минут пять, но поблизости не наблюдалось никакого движения.

– Подойдем? – осведомился я у Леры. В ответ та крепче ухватилась за локоть и затрясла головой. – Я сбегаю по-быстрому...

– Нет! – прошипела она.

– Ты видишь номера? Вот и я не вижу!

Не дожидаясь реакции, я перелез через ограду и спрыгнул на разбитый асфальт на другой стороне. Лира, трясущимися руками хватаясь за чугунный узор ограды, полезла следом. Я помог ей слезть, и мы повернулись к брошенной машине.

Под желтоватым светом фонаря минивэн представлялся странным затаившемся чудовищем. Поминутно оглядываясь, мы медленно зашагали к нему. В одном из домов звучала приглушенная музыка, доносились удалые крики что-то праздновавших жильцов.

Мы продвинулись на десять шагов, когда в кустах слева, у ограды, кто-то глухо застонал. Я подпрыгнул на метр и развернулся с колотящимся сердцем.

– Не ходи, – плачущим голосом сказала Лира, обеими руками ухватившись за мой локоть.

Но мне не пришлось принимать решение, потому что в эту секунду из кустов выметнулась черная тень. Лира вскрикнула, а я на несколько мгновений окаменел. Человек в черном, будто бы без лица, бесшумно пробежал мимо нас к машине.

Оцепенение спало так же быстро, как и охватило; я бросился следом, плохо понимая, что делаю, пребывая под властью того же инстинкта, что заставляет собак гоняться за проезжающими мимо велосипедистами. У меня не было сомнений, что это Слепитель. Вовремя вспомнив о дубинке, я выхватил ее из кармана; она щелкнула, раскрываясь; я ударил бегущего по спине, но немного промахнулся, поскольку тот успел мотнуться в сторону.

Слепитель (кто же еще?) развернулся ко мне лицом. Вот только лица я по-прежнему не видел: его скрывала сплошная черная маска, вроде бы даже без прорезей для глаз. Я снова размахнулся, метя в голову и словно бы в отдалении слыша испуганный вопль Леры. Человек в черном снова резко дернулся в сторону и подставил под удар руку, крутанул ею, и дубинка очутилась у него подмышкой. Я дернул ее назад и выдернул бы, если б хватило времени. Слепитель успел нанести мне чувствительный удар в челюсть свободной рукой, отчего звонко клацнули зубы, и размахнулся для второго удара, но я ударил его локтем прямо в лицо, вложив в удар всю свою массу.

Человек в черном отпрянул без единого звука, выпустив дубинку, под маской что-то хрустнуло. Он схватился за лицо, и что-то маленькое упало на асфальт.

– Ну что, сука?! – начал я, подходя к нему и поигрывая дубинкой. Челюсть болела, зато от боли во мне пробудилась звериная ярость. Сейчас я готов был перегрызть ему горло.

Слепитель неожиданно разогнулся и пнул меня в грудь, отчего у меня перехватило дыхание, и я ощутил, как рухнул спиной на твердый асфальт. Взревел двигатель минивэна, и машина сорвалась с места, скрипнув шинами. Пока я, хватаясь за ушибленную грудь, вставал на ноги с помощью что-то лепечущей Леры, «Шкода Румстер» с открытым багажником, визжа тормозами, исчезла за поворотом.

– Черт! И номера не увидели! – выдавил я, не в силах восстановить дыхание.

– Mamочки, мамочки... – лепетала Лира, вновь прилепившись к моему локтю.

Недалеко на асфальте лежал тот самый предмет, который выпал у Слепителя. Я вынул платок и поднял предмет так, чтобы не оставлять отпечатков. Криминальные фильмы кое-чему нас всех научили... При свете фонаря было видно, что это какой-то черный шарик. Разглядывать его не было времени, я сунул его в карман, вслед за сложенной дубинкой, и повернулся к кустам, откуда опять послышались стоны.

Мы с Лирой подбежали к кустам, где ничком лежала женщина лет тридцати в длинной куртке и юбке. Один ботинок слетел с ноги и валялся поблизости. Я повернул ее на спину, уже зная, что увижу: окровавленное лицо под сплещившимися волосами и дыры вместо глаз.

Глава 6

Женщина с окровавленным лицом и дырами вместо глаз схватила меня за рукав.

– Он... – выдохнула она так невнятно, что я еле ее понял. – Он ушел?..

– Да, он убежал, – ответил я. Мне было неприятно смотреть на нее и просто быть рядом, но она тянула меня к себе, и мне не оставалось ничего другого, как приблизить ухо к ее губам. Наверное, когда-то она была симпатичной женщиной, однако сейчас от ее красоты не осталось и следа.

– Я прошу... я тебя умоляю... – Она заплакала, хоть слез и не было. – Убей меня! Не хочу жить так...

Я отпрянул.

– Нет!

– Пожалуйста! – взмолилась жертва Слепителя. – Потом будет поздно... Давай же!

Я оглянулся на Лиру, которая стояла, прижав руки ко рту, и не издавала ни звука. Она могла бы крикнуть, чтобы я не смел этого делать, но она не крикнула. Я понимал дикую просьбу бедной женщины: иногда смерть не так страшна, как жизнь...

Конечно, я никогда не убил бы ее, однако если на крохотную секунду представить, что я решился бы на этот поступок, Лира не помешала бы. Нет, не помешала бы, не сомневаюсь...

Вокруг материализовались люди, среди которых я, с трудом оторвав взор от плачущей изуродованной женщины, узнал тех мужчин-весельчаков, что курили возле главного входа в парк. С оружием и рацией в руках они быстро и умело рассредоточились по улице.

Тот самый «динозавр» с мясистым лицом приблизился к нам, в то время как к жертве подбежали двое парней с носилками и чемоданчиком, который носят фельдшеры «скорой помощи». Меня поразила скорость, с какой появились медики и полицейские, но после разговора с жертвой Слепителя эта мысль не задержалась в сознании.

– А вы молодцы! – пробасил «динозавр». – Лира вычислила действия преступника, а Евгений проявил похвальную смелость.

– Вы за нами следили? – Я словно услышал свой голос со стороны.

– Да. В Управлении не приняли всерьез гипотезу Станкевич, но я отнесся к ней куда серьезнее. К счастью, капитан Слепаков уведомляет меня обо всех обращениях по поводу Роднинского Слепителя, какими бы абсурдными они не были. Ваше сообщение, Лира, вовремя достигло моих ушей. Оно показалось мне любопытным, и я надумал его проверить... Как выяснилось, не зря. Заодно узнал, что вы двое стали свидетелями появления Кузнецова в переулке Лобачевского. Кстати, меня зовут Константин Викторович Валов. Возле входа в парк я подошел к вам из любопытства: хотел вблизи полюбоваться на таких неординарных граждан, как вы.

– Он сбежал! – прервала его Лира. – Этот монстр сбежал!

Валов покачал головой.

– Не сбежит. На всех выездах из этого сектора стоят блок-посты. Никуда он не денется.

Я шумно перевел дух, а Лира радостно заулыбалась, услышав эту новость. Медики уносили носилки с пострадавшей в сторону Покровской улицы, откуда уже вырубивала машина «скорой помощи».

– Вы из полиции? – спросил я.

– Нет, я работаю в организации, которая стоит намного выше полиции. И обладает гораздо большими полномочиями.

– ФСБ? – наугад предположил я.

Меня не удивило бы, если б он отказался отвечать, но Валов кивнул и растянул толстые губы в улыбке.

Я пощупал нижнюю губу: она опухла и онемела.

– Значит, ФСБ все-таки подключилась к этому делу?

– Подключилась, – Валов вновь кивнул. – В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 3 апреля 1995 года №40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» ее деятельность включает борьбу с особо опасными формами преступности. А тут дельце пахнет террором.

– Кстати, – спохватился я, – он... этот маньяк... или преступник... выронил что-то, когда я его ударил... Я подобрал, боялся, что потеряется или затопчут...

Вынув из кармана завернутый в платок шарик, я протянул его Валову, который взял странный предмет очень аккуратно и тут же сунул в пакетик, выхваченный из кармана.

– Спасибо! Оригинальная вещичка...

Он передал пакетик одному из помощников, который тут же исчез в неизвестном направлении. Зазвучал однообразный ненавязчивый рингтон, и Валов вынул из кармана телефон.

– Да? Когда?.. Это не он бес, это у вас руки из задницы растут!!!

Он прервал связь и яростно раздул ноздри. Быстро придя к какому-то решению, он махнул нам рукой.

– Вы двое! Идемте со мной!

Мы с Лирой не понимали, в чем дело, но послушно сели вместе с Валовым в служебную машину, которая сразу же рванула на север, мимо Площади Поющих Фонтанов к реке.

Площадь Поющих Фонтанов своим юго-восточным краем граничила с набережной, за которой катилась темная вода реки. Летними ночами площадь освещали многочисленные фонари и подсветка фонтанов; зимой фонтаны не работали, но света все равно хватало.

Сейчас на ней, возле самой набережной, скопилась небольшая толпа, сдерживаемая полицейскими. Все зевало на две разбитые машины – служебную полицейскую, у которой начисто снесло правое крыло и часть капота, и знакомый минивэн «Шкода Румстер», помятый от удара и перевернутый. На тротуаре поблескивало стеклянное крошево.

Я перевел дух, потрясенный зрелищем. Получается, Слепителя поймали?! От удара (Слепитель наверняка вылетел на площадь и пытался протаранить ограждение из полицейских машин) «Шкода» вылетела на набережную и, столкнувшись с низкой оградой, перевернулась. Чудом она не рухнула в воду и осталась нависать над рекой – хватило бы крохотного толчка, чтобы она ушла под воду.

Когда мы вышли из служебной машины, к Валову подскочил «человек в штатском» и скороговоркой сообщил, что, в принципе, и так было ясно, присовокупив, что Слепитель упал в реку и исчез. Полицейские рассредоточились вдоль берега на полкилометра вниз по течению, на случай, если преступник надумает выбраться на берег, однако пока результатов не было.

Кто-то, разговаривая по рации, требовал вызвать водолазов. Я покосился на Лиру: на ее лице читалась та же безнадежность, что овладела и мной. Никого они не поймут...

Валов обернулся к нам и сказал то, что мы понимали без него:

– Нам тут больше нечего делать. Пойдемте. Он ушел.

– Вы вот так просто сдаетесь? – удивилась Лира.

– А вы разве не поняли, что это необычный преступник? – фыркнул Валов.

– Что это значит? – спросил я.

Валов пожал широкими плечами.

– Я и сам толком не понимаю. За годы службы я всякого навиделся. Есть злодеи, отмеченные самим дьяволом... Они умеют то, чего обычный человек не умеет делать... да и не захочет делать, откровенно говоря... Эти – язык не поворачивается сказать «люди» – порождение мрака в его сакральном понимании.

– Это не означает, что нужно опускать руки, – заметила Лира.

– Верно! – похвалил Валов, криво улыбнувшись. – Вы, Лира, удивительная девушка! Выявить такую невероятную закономерность и не побояться выйти в «поле», чтобы доказать ее... И вы, Евгений, тоже выше всех похвал.

Несмотря на холодную ночь, я почувствовал, что мои щеки горят.

– Мы это делали не ради похвал, – отмахнулся я.

– Тем не менее, вы ее заслужили, – ответил Валов. – Пока преступника не поймали, предлагаю вам сотрудничество. Вы будете у нас внештатными консультантами. За это, кстати, полагается кое-какая оплата.

– Консультантами? – поразился я. – Ну, Лира-то понятно, а я причем?

– Поверьте, Евгений, вы нам тоже нужны. – Валов продемонстрировал сдержанную улыбку.

Я открыл было рот, чтобы уточнить, что же он имеет в виду, но Лира перебила:

– Константин Викторович, если он... Слепитель... утонул, то всё будет хорошо, а если нет?.. Неизвестно, как он теперь будет действовать, когда его спугнули... Но если он всё равно последует своей схеме дальше, то следующее появление жертвы нужно ожидать уже завтра в районе университета имени Тынянова.

– Да, спасибо, я это уже понял. Мы устроим ему засаду – гораздо более грамотную, чем сегодня, ведь мы убедились, что ваша гипотеза верна, Лира! Выставим заранее – надо учесть, что завтра появится жертва, а нападение состоится уже сегодня. Не знаю, как он все это успеет...

– Сам устроил себе такую головную боль, пусть и мучается, – пробурчал я. – Зачем это ему? Все эти числа Фибоначчи? Ради какого-то послания?

Валов вздохнул.

– Если это послание, то больно мудреное...

– Значит, он уверен, что адресат его поймет! – сказал я. – Ищите математика или... профессора из университета. Или студента математического факультета...

Я застыл, вспомнив о Кире. Интересно, она уже дома? Завтра воскресенье, за занятия она не пойдет, да и учится совсем в другом ВУЗе, однако мне было не по себе. Наверное, причина крылась в нашей непредвиденной встрече в парке Зодиака и том, как мы расстались. Она могла разозлиться или расстроиться (или сразу и то, и другое), вместо возвращения домой поехать в клуб и тусить до утра – в городе, по которому рыщет безумный Слепитель...

Меня охватило желание позвонить ей, хотя готов биться об заклад, что мой звонок она проигнорирует; не исключено, что я уже в черном списке ее телефона. Я отступил от Валова и Леры на пару шагов и, вынув телефон, включил мобильные данные. Через мгновение записали всевозможные сообщения на почту, в социальных сетях, «Ватсапе» и «Вайбере».

От Киры на «Вайбер» пришло сразу три сообщения, отправленные еще утром:

«Привет, Женечка! Сегодня собираемся гулять с группой: сдали рубежку. Пойдешь со мной?» (11:15. В конце фразы игриво улыбался смайлик).

«Ты где, ау?» (11:47. Смайлик удивленно таращил глазки).

«Короче, захочешь – перезвонишь». (12:09. Смайлик был недоволен).

В статусе стояло:

«Устала жутко! Навеселились на славу! Всем споки!»

Я успокоено отключил мобильные данные и убрал телефон в карман, передумав звонить или писать сообщения. Займусь этим позже, сейчас она спит дома.

У Валова зашипела рация.

– Валов на связи.

– Это Пятый, – сообщила рация. – Жертву Викторю Диц доставили в реанимацию БСМП, товарищ полковник.

– Хорошо, отбой.

Он повернулся к нам:

– Итак, можете нам? В качестве консультантов? – И, поскольку мы с Лирой не спешили отвечать, добавил с хитрой усмешкой: – Я вам помогу решить. Задерживаю вас на сутки для

выяснения обстоятельств, так сказать. Вы ведь свидетели преступления, да еще и второй раз подряд. Странно и подозрительно, не правда ли?

Он подмигнул, как бы говоря: я, конечно, шучу, но и вы так просто не отвертитесь от уважаемой должности внештатных консультантов. От шубы с барского плеча не отказываются.

Пытаясь не выдать недовольство, я сказал Лире – громко, чтобы Валов слышал:

– Хотели помочь найти маньяка, а нашли приключения на задницу.

Валов похлопал меня по плечу:

– Так оно обычно и бывает, мой друг. Инициатива наказуема, все об этом знают. Но без инициативы в жизни ничего не добиться...

Глава 7

Было далеко за полночь, когда мы отправились в Главное управление МВД по городу Роднинск. Мы с Лирой поехали на «БМВ», Константин Викторович Валов – на служебной машине.

Залитый электрическим светом город утопал в тумане, радужные огни светофоров парили в пространстве, как НЛО, на лобовом стекле скапливалась влага, и мне пришлось включить дворники.

События за последние несколько часов следовали друг за другом без перерыва, не было времени как следует переварить происшедшее. В голове всё перевернулось, и кристально ясно было лишь то, что мы ухитрились попасть в центр заварушки – и какой заварушки! А чего я ожидал, устраивая засаду маньяку?

Усталости я не чувствовал – слишком был возбужден, да и губа с грудью побаливали, не давая расслабиться. Лира мрачно крутила кубик Рубика, время от времени шмыгая носом.

– Знаешь, Лира, – заговорил я со смешком после долгой паузы, – такое впечатление, что мы очутились в скверном триллере... Скажем, «Найти маньяка за двадцать четыре часа»! «Кошмар на Варшавской улице»! Два молодых человека оказываются втянутыми в жуткую историю! В итоге они ловят преступника и начинают работать на секретную службу! Я бы такой фильм и до середины не досмотрел, честное слово.

– Тебе правда весело? – без выражения спросила Лира.

Я поджал губы, слегка притормаживая, потому что светофор впереди замигал зеленым и приготовился переключиться на желтый. Служебная машина Валова тоже остановилась, хотя успела бы проскочить, – Валов не хотел, чтобы мы отстали. А я не хотел лихачить в присутствии полиции и сотрудников ФСБ.

– Да уж какое там веселье? Это я пытаюсь разрядить атмосферу...

– М-м-м...

– Не нравится мне этот Валов, – процедил я сквозь зубы. – У них что, в органах нет специалистов, которые знали бы эти числа Фибоначчи? На фига мы ему сдались? На фига я ему сдался?

– Может быть, он нас подозревает, – пробормотала Лира, не отрываясь от кубика Рубика, – старается держать под рукой.

Я вытаращил глаза.

– В чем подозревает?

– Ну... в том, например, что мы знаем о Слепителе больше, чем хотим показать. Так или иначе, он не хочет терять нас из виду.

– Или их спецы прогляпили эту закономерность, – сказал я, – а менты от тебя отмахнулись... Теперь кое-кто вкусит начальственного гнева!..

В Управлении Валов, который среди полицейских вел себя по-хозяйски, завел нас в полутемный кабинет, освещенный одной настольной лампой. Напротив стола со стульями на стене висела интерактивная доска, а проектор крепился к потолку. Больше никто в кабинет допущен не был, хотя уже знакомый следователь с одутловатым лицом пытался зайти, но был тотчас выпровожен.

Валов пригласил нас присаживаться, а сам достал пульт и включил проектор. На экране проявилась таблица со списком жертв и датами их появлений на улицах.

Я с интересом прочитал:

Павел Дробышев – 15 сентября.

Свиридова Лариса – 4 октября.

*Кузнецов Максим – 12 октября.
Аистова Людмила – 17 октября.
Грушко Аркадий – 20 октября.
Диц Виктория – 22 октября.
Жертва??? – 23 октября.*

Лира, которая тоже впиалась в экран жадным взглядом, спросила:

– Кто этот Павел Дробышев? Где его нашли?

– Понимаю, – Валов удовлетворенно кивнул. – Дата его появления не совпадает с последовательностью Фибоначчи. Между ним и Свиридовой – девятнадцать дней разницы, а должно быть тринадцать.

Лира кивнула. Я, скрипя мозгами, подсчитал: действительно девятнадцать дней...

– Видимо, Дробышев – первая жертва Слепителя, – сказал Валов, стоя сбоку от экрана, – тогда маньяк еще не определился со всеми этими закономерностями. А это значит... Что это значит? – спросил он, будто учитель на уроке.

Я выжидающе глянул на Лиру, но она выглядела такой же растерянной, как и я. По мясистому лицу Валова скользнуло разочарование.

– Это значит, что Слепитель не шлет посланий, – пояснил он, – и что математическая последовательность пришла ему в голову по ходу дела, так сказать.

– Точно! – вырвалось у меня.

– Или же это тоже что-то значит, – продолжил Валов. – Подумайте, Лира, и вы, Евгений. Что касается вашего вопроса, Лира, то Дробышева нашли в районе металлургического завода, глазные яблоки уже были удалены и довольно неаккуратно... Он чудом не погиб от потери крови и болевого шока. Вероятно, ему помогло то, что перед тем, как попасть в лапы Слепителя, он хорошенько принял на грудь... Он даже не помнит самого нападения.

– Сколько ему лет? – спросил я, вспомнив Викторию Диц, которой было лет тридцать.

– Тридцать девять, – ответил Валов. – Всю жизнь проработал художником. Представляете, какой для него стресс – потерять зрение?

Я представлял.

В сумраке комнаты повисла пауза. Экран со списком несчастных жертв светился белым квадратом.

– Если этот разрыв между Дробышевым и Свиридовой что-то значит, – медленно заговорила Лира, не отрываясь от экрана, – то здесь может скрываться другая закономерность... Но выявить ее на основе только дат нападений невозможно... Вот если бы поговорить с жертвами...

Валов расцвел в улыбке:

– Вам представится такая возможность! Завтра же я пришлю за вами машину, и вас прокатят по всем адресам и больницам. Везде вас будут пропускать.

– Вы всегда так работаете? – не выдержал я. – Привлекаете к опасной работе первых попавшихся людей, о которых знаете только, что они оказались в нужном месте и в нужное время?

Валов ничуть не обиделся на мой тон.

– Ну, во-первых, да, мы так работаем. Пять лет назад мы привлекли к работе ребенка-саванта, у которого была фотографическая память. Экстрасенсов привлекаем постоянно... только они часто ошибаются. – Валов весело рассмеялся. – А во-вторых, я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете, Евгений Александрович Гардер, родившийся 10 ноября 1992 года, имеющий рост 188 сантиметров, вес – 80 килограммов, четвертую группу крови, резус положительный...

– Я понял, – проворчал я.

– А про меня вы тоже всё знаете? – спросила Лира, и я ясно различил в ее тихом голосе напряженность.

– Да. – Валов помолчал, потом добавил: – И то, почему вы постоянно носите перчатки. Даже в полутьме я разглядел, как по ее лицу разлилась бледность. Я был заинтригован.

– Итак, – сказал Валов, щелкая пультом. Экран погас. – Если вопросов больше нет, предлагаю вернуться по домам и выспаться.

– Вы грозились задержать нас на сутки, – дерзко напомнил я, прекрасно осознавая, что могу нарваться на неприятности, и Валов на самом деле оставит нас в Управлении.

– Не думаю, что это необходимо, – миролюбиво ответил полковник. – Но у ваших домов поставлю парочку людей – так, на всякий случай...

– Вы думаете, он придет за нами? – испуганно спросила Лира.

– Он маньяк с больной психикой, поэтому надо быть готовым ко всему. Вдруг он знает, кто вы и где живете? Вы сегодня прищепили ему хвост... Прошу не отказываться от охраны, они будут незаметны и вас не побеспокоят.

– И не думали отказываться, – прошептал я.

– Завтра за вами заедут в 10.00, – сказал Валов. – Близким и домашним скажите, что вас вызвали дать свидетельские показания. Вы были свидетелями того, как преступник врезался в полицейские машины. Больше ничего говорить им не стоит, вы понимаете?

Мы с Лирой одновременно ответили, что понимаем.

Валов подмигнул мне:

– Ну, вам, Евгений, пока можно ничего не придумывать. Сегодня вы ночуете один.

Я засопел. Все-таки эти сотрудники силовых служб пренеприятные существа...

Глава 8

Спал я этой ночью плохо, вертелся в постели, одолеваемый разными бессвязными снами, в которых сначала я убегал от страшного черного человека без лица, потом он от меня, а Лира кричала, зовя на помощь, после чего превращалась в Наташу...

Перед тем, как уснуть, я пытался прикинуть, к чему приведет сотрудничество с Валовым и как на это посмотрит отец, но ни к каким конкретным выводам, естественно, не пришел. Избежать сомнительной должности внештатного консультанта в это горячее время, когда полиция с ног сбилась, гоняясь за маньяком, а мы с Лирой дважды влипли в эпицентр событий, было невозможно. В конце концов, все мы на учете в ФСБ...

Чертик во мне, наоборот, был более чем доволен выпавшим на мою долю приключениям. В эти насыщенные событиями часы я чувствовал реальность происходящего всей кожей, понимал, что живу *по-настоящему*.

И, тем не менее, меня беспокоил вопрос: зачем я понадобился Валову? Что этот хитрый полковник службы безопасности увидел во мне, кроме умения кидаться в омут вниз головой?

Утром я проснулся с таким ощущением, словно всю ночь решал головоломки, читал учебники по высшей математике, а под конец надумал посмотреть пару-тройку фильмов ужасов. С распухшей головой я потопал в ванную и принял контрастный душ, который немного привел меня в чувство.

С запозданием вспомнив обещание Наташи ждать меня всю ночь, я не мешкая ей позволил. Наташа подняла трубку почти сразу, призналась, что вчера действительно ждала меня примерно час, а потом уснула с Рафаэлем в объятиях. Я извинился за то, что не приехал, и рассказал о вчерашних событиях в рамках дозволенного Валовым. О том, что после встречи с «заказчиком» я стал свидетелем столкновения автомобиля преступника с полицейскими машинами, и меня из-за этого полночи допрашивали.

Наташа потрясенно охала и ахала и требовала больше никогда-никогда не устраивать встреч с заказчиками так поздно.

– Все буквально походили с ума, – заявила она. – Уже и на улицу выходить страшно. Представляешь, Женя, вчера какие-то подонки избили Симеона Коровина, ну, того балетмейстера, который подарил нам билеты на этот чудесный спектакль. Проклятые гомофобы на улице разбили ему нос, когда он ставил машину на парковке. Он позвонил мне только что, старался говорить весело, но в голосе стояли слезы, я слышала... Ему надо было выговориться...

– Ужас, – сказал я.

Симеона Коровина я видел как-то раз и не горел желанием видеть его снова. Он был худ, гибок, элегантен, обладал невысоким ростом, выщипывал брови, красил губы, румянил щеки и даже для гея был чересчур манерен. Нетрадиционная ориентация так и выпирала из него, и я подивился, как в нашем не самом толерантном городе его не избили раньше.

Я признался Наташе, что я, как свидетель, должен сегодня повторно давать показания в полиции; она мне посочувствовала, мы мило поболтали и закончили разговор на вполне дружелюбной ноте.

Подумав немного, я позвонил Кире, но она не подняла трубку – то ли спала, то ли не желала со мной разговаривать. По крайней мере, я убедился, что не занесен в черный список: иначе мой вызов тут же сорвался бы.

Я позавтракал, оделся, расчесался и к 10.00 был полностью готов к труду и обороне. Без пяти минут десять на мобильный позвонили с незнакомого номера.

– Это Валов, – сообщила трубка густым басом.

– Ну конечно, – сказал я, рассматривая разбитую губу в зеркале на внешней стороне дверцы шкафа; отек немного спал, но шрамик остался, – вы знаете мой номер. Теперь я – агент национальной безопасности Гардер. Евгений Гардер. К вашим услугам.

– Пока что только внештатный консультант Евгений Гардер, – осадил меня Валов. – Выходите. Вас ждет машина у подъезда.

– Водолазы, как я понял, никого не нашли?

– Почему? Нашли много мусора, останки животных и даже – между нами – скелет годовалого ребенка, числившегося без вести пропавшим. Ребята старались. Но Слепитель ушел.

– Все ясно...

Когда я проснулся час назад, сквозь неплотно зашторенные окна в комнату проникал слабый солнечный свет, обещая ясный день, однако, когда я вышел из подъезда, кутаясь в шарф, с северо-запада уже дул пронзительный холодный ветер, по небу бесконечной чередой бежали свинцовые тучи, а солнце напоминало о себе лишь тусклым сиянием на востоке.

Между подъездом и детской площадкой стояла серая «Шевроле Нива» с государственными номерами. Я подошел к ней и, распахнув дверь, уселся рядом с водителем с таким видом, будто всю жизнь разъезжал на служебных машинах. Лира – как обычно, тихая и незаметная – сидела позади.

– Привет! – сказал я.

– Привет, – отозвалась Лира, а водитель, плотно скроенный тип лет сорока в очках с толстыми и слегка затемненными стеклами, что-то буркнул, дернув в мою сторону квадратным подбородком.

– Ну что, поехали на нашу вторую работу? – хмыкнул я.

– Был приказ доставить вас к жертвам маньяка, чтобы вы поговорили, – заговорил водитель гнусавым голосом. – В Управление отвозить вас приказа не было.

– С кем имею честь? – поинтересовался я.

– Сержант Никольский, – отрапортовал водитель.

– А имя?

– Юрий.

– А просто Юра звать вас можно?

– Э-э-э... – слегка завис сержант, отряженный сегодня исполнять функции личного водителя у двух штатских и, видимо, не получивший конкретных указаний относительно того, как себя с ними (то есть с нами) вести. Глаза за стеклами очков слегка косили. – Можно... Отчего нельзя-то...

– Ну, тогда погнажи, Юра?!

Вместо ответа сержант вырулил на улицу через арку и поехал по Центральному проспекту в сторону микрорайонов, где, кстати, жила Кира Выборнова. Из-за того что сегодня было воскресенье, пробок мы почти не встретили, разве что возле стадиона скопилось несколько десятков машин, водители которых пытались одновременно припарковаться на самом выгодном месте. Я ожидал, что Юра заедет в микрорайоны, но он пронесся по западной трассе, не сбавляя скорости. Когда городские высотки остались позади, я понял, что мы едем в дачный поселок.

– Это Дробышев живет в дачном поселке? – спросил я.

Юра Никольский кивнул. Несмотря на, скажем так, некоторую заторможенность мышления, водителем он был отличным. Он сумел и по разбитой дороге перед поселком проехать так, что нас ни разу не тряхнуло. Когда мы притормаживали перед невысоким деревянным забором, выкрашенным зеленой краской, мне позвонила Кира. Я поколебался секунду-другую и отклонил вызов – встреча с жертвой Слепителя меня взволновала, и мне не хотелось ни на что отвлекаться.

– Позже, Кира, позже... – пробормотал я.

Я поднял глаза и заметил взгляд Леры – она явно услышала мои слова и смотрела на меня насмешливо. Наверное, вспомнила вчерашнюю шпильку Валова о том, что мне придется спать одному. Чтобы заставить ее посерьезнеть, я спросил:

– И почему ты носишь перчатки?

Как я и думал, едва наметившаяся улыбка моментально испарилась.

– Чтобы не замараться, – пробормотала она после паузы.

Юра заглушил двигатель и вопросительно уставился на меня. Я открыл дверь и, обернувшись к Лере, сказал:

– Вряд ли на нашей новой работе тебе удастся не замараться, Лера.

Я вылез из машины. За невысоким забором виднелся ухоженный садик и аккуратный дом с красивым разрисованным крыльцом.

– С кем он живет? – поинтересовался я у водителя.

– Ни с кем. Один живет.

– Слепой?

– Он научился сам за собой ухаживать, – сообщил Никольский. – Каждый день к нему заходит сестра, она живет тут по соседству с мужем. Помогает, видать...

Молодец мужик, подумалось мне, раз не опустил руки и остался вполне трудоспособным после потери зрения. Справа от ворот находился гараж для машины, вот только, судя по пожухлой траве вокруг гаража, в него давненько никто не въезжал.

– Видно, раньше он ездил на машине, – шепнул я Лере, которая неслышно подошла сзади и исподлобья разглядывала участок. Мне стало жалко Дробышева.

Залаяла собака. Спустя минуту из дома вышел мужчина в непроницаемо черных очках, с растрепанными пепельными волосами, одетый в растянутый свитер грубой вязки и потертых джинсах с вытянутыми коленями. Руки и подбородок его были вымазаны чем-то красным, и я на миг представил, что он только что ел сырое кровавое мясо, как зомби из фильма...

– Кузя! – прикрикнул он на пса, и тот, умолкнув, залез в будку. – Кто там?

– Здравствуйте! – заговорил своим гнусавым голосом сержант. – Мы от Константина Викторовича Валова, он вам звонил.

– Ах да! – вспомнил Дробышев, улыбнувшись. Он стоял по другую сторону забора совсем рядом, и я убедился, что красное вещество на его лице и руках – не кровь, а скорее краска. – Да, конечно. Я понимаю, любые показания могут быть полезны. Я постоянно слушаю радио об этих ужасных нападениях. Хотя толку от меня будет мало: я почти ничего не помню... Сколько вас?

Опередив Никольского, я ответил:

– Трое. Меня зовут Евгений Гардер, рядом со мной Юрий Никольский и Лира Станкевич.

Почему-то мне хотелось, чтобы Дробышев ясно представлял ситуацию. Меньше всего я желал бы держать его в неведении, пользуясь слепотой. Я еле удержался от того, чтобы не начать описывать нас всех.

– У всех троих красивые фамилии, – неожиданно отметил Дробышев, вновь слегка улыбаясь. – А у девушки – имя тоже. Мне как-то неудобно называть свою вполне обычную фамилию... Я – Павел Дробышев.

– Очень приятно, – заговорила Лира. Кажется, она также хотела проявить себя, чтобы Павел услышал ее голос.

Дробышев чуть повернул к ней голову.

– Взаимно, – ответил он. – Заходите. Калитка открыта.

Он повернулся и уверенно зашагал к дому, не пользуясь тросточкой и не держась за стены. Мы проследовали за ним на веранду, оттуда – в гостиную, которую, судя по всему, переоборудовали в нечто вроде мастерской. У окна стоял небольшой диван, накрытый старой, испачканной красками простыней, у противоположной стены находился мольберт, на засте-

ленном газетами полу валялись выдавленные тюбики масляных красок. Возле дивана притулились табуретки – четыре штуки.

Я удивленно замер на пороге. Лира тоже была поражена тем, что слепой каким-то образом ухитряется писать картины. Только Никольский не был удивлен – то ли был в курсе, то ли не умел выражать эмоции.

– Я помню, где что находится, поэтому легко ориентируюсь, – сообщил Дробышев.

– Вы молодец, – вырвалось у меня. – Быстро адаптировались.

Дробышев усмехнулся.

– Жить можно и без некоторых частей тела, – сказал он с легкой горечью в голосе. – В сущности, у меня не было выбора.

Выбор-то был, подумал я, он мог лежать и плакаться на судьбу. Или тупо забухать. Или покончить с собой... Дробышев выбрал другое.

Павел вдруг снял очки и потер переносицу. Лира не удержала испуганный вскрик.

Зрелище было неприятное. Веки у него запали, потемнели и не скрывали черно-розовую изнанку пустых глазных орбит. Вкупе с красной краской на подбородке черные дыры вместо глаз производили страшное впечатление и делали Дробышева еще более похожим на ожившего мертвеца.

– Простите, если напугал, – сказал он, водружая очки на место. – Когда я один дома, хожу без очков. Одеваю только при гостях, но периодически забываю, что я теперь не такой красавчик, как прежде... Я выписался из больницы всего три недели назад, мне предлагали пластику, а я думаю, на черта мне она? Сам не вижу это безобразие – и ладно. Кстати, присаживайтесь, там есть табуретки. На диване обычно я отдыхаю, но там все измазано красками...

Он усмехнулся, а Лира поспешно сказала:

– Это вы простите, Павел... Вы... вы до сих пор рисуете?

– Пишу, – поправил Дробышев. – Да, я до сих пор пишу картины. Хотя это скорее способ заработка на жизнь – я зарабатываю на своей слепоте. Есть художники, рисующие носом, ногами, грудями, членом и прочими частями тела. Картины как правило посредственны, но необычный способ их создания привлекает аудиторию. Чем хуже слепой художник? Мне надо на что-то жить, а пенсии по инвалидности не хватает. Картины слепого художника, жертвы маньяка, разлетаются на ура. К тому же, мне есть, чем заняться. Вы еще не сели? Садитесь, прошу.

Мы гуськом пересекли комнату и уселись на табуретки. Мольберт стоял к нам задом, и картину было не разглядеть. Любопытно, как он пишет картины вслепую?

– Вера, моя сестра, помогает с ориентирами, – продолжил Дробышев, разворачивая к нам мольберт. – А дальше уже я сам...

К мольберту крепился холст, в который во многих местах были вбиты маленькие гвоздики – ориентиры. Демонстрируя свой метод работы, Дробышев взял в одну руку кисть, другой нащупал гвоздики и нанес несколько резких штрихов. На первый взгляд картина выглядела как мешанина серых, желтых и синих полос, но, прищурившись, я обнаружил, что на картине изображена обнаженная женщина в позе эмбриона на фоне космоса. Сразу становилось ясно, что картина показывает рождение некоего космического человека, как в фильме «2001: Космическая одиссея». Я был потрясен.

– Поразительно! – сказал я. Вот это я называю искусством, а не корчи агонизирующих придурков на сцене!

– Это заказ, – сказал Дробышев. – Заказчик хотел картину, где показывалось бы появление нового вида человека. Видно, нищееанец...

Сержант Никольский, далекий от отвлеченных умствований, кашлянул, выразительно глянув на меня. Мол, хватит терять драгоценное время, нам еще других жертв объезжать.

– Павел, – сказал я. – Вы помните что-нибудь о нападении на вас? Расскажите всё, что помните.

Дробышев отложил кисть и вздохнул.

– Увы, помочь ничем не могу. Я уже давал показания... В тот день, четырнадцатого сентября, я был сильно пьян... Как и тринадцатого, и двенадцатого... Как и несколько лет до этого. Видите ли, я злоупотреблял алкоголем... Сейчас абсолютный трезвенник. Этот изверг излечил меня от алкоголизма, если так подумать. В общем, я шел по улице вечером, тут недалеко. Кто-то, как я понял позже, меня ударил по затылку. Я не слышал, как он подкрался, хотя, если бы он подошел с громкой песней и маршируя, как солдат на плацу, я бы не оглянулся... Очнулся на следующий день с жутким похмельем, неопишуемой болью и без глазных яблок...

Он замолчал. Непроницаемое лицо в черных очках не выражало эмоций. Мы тоже молчали, подавленные рассказом. Я пытался представить, каково это пережить. Фантазии не хватило.

Тишину нарушила Лира:

– То есть вы ничего не помните? Совсем? Может, помните хотя бы запах этого человека? Дробышев криво улыбнулся.

– Я помню разве что запах собственной рвоты...

Мы с Лирой переглянулись. Она покраснела, потом побледнела.

– Но... как бы вы ни были пьяны, вы должны были почувствовать, когда он... ну...

– Я не почувствовал, – согласился Дробышев. – По голове он ударил слишком сильно, чуть не убил. Это уже позже он стал соизмерять силу удара. Я же был первой жертвой как-никак.

– Что ж, – проговорил я, – тогда мы пошли...

Слепой художник проводил нас до калитки.

– Найдите его, ребята, – сказал он напоследок. – Найдите это чудовище, пока он не натворил еще больших бед. Не сдавайтесь! После всего этого я прекрасно понял, что сдаваться нельзя, как бы плохо тебе ни было.

Глава 9

Денек выдался муторный во всех отношениях – и в плане погоды, и нашей с Лирой деятельности. Погода, кажется, сама не знала, чего хочет: вроде бы собирался дождь, уже и пахло дождем, но холодный ветер прогонял свинцовые тучи над городом, и в итоге до земли не долетело ни капли. В такую погоду у метеочувствительных болит голова и ломит суставы. Я, к счастью, к этой категории людей не относился, но погода меня угнетала, особенно сегодня, когда мы до обеда мотались с визитами к жертвам Слепителя.

После Дробышева Юра, шустро вертя баранкой, помчался назад, в микрорайоны, где жила Свиридова Лариса, вторая жертва.

Пока ехали по трассе, Лира пробормотала так тихо, что я едва расслышал сквозь гул двигателя:

– Не пойму... Тут нет закономерности...

Я повернулся к ней. Лицо у нее было мрачное, глаза расфокусированы.

– Ты о Дробышеве?

– Да... Он не вписывается в последовательность Фибоначчи ни по времени появления, ни по месту.

– Ну и что? Слепитель в то время еще не определился с заскоками, вот и всё.

Лира покусала губу.

– Ну, не знаю...

– Чего ты не знаешь? – ухмыльнулся я.

Лира помолчала, потом ее будто прорвало:

– Ну, как ты не можешь понять, Женья? Это же неправильно... Это... это... не вписывается в систему, такую красивую и безупречную! У Слепителя есть вкус, извращенный, конечно, но есть, а тут Дробышев портит всю картину.

У меня отвалилась челюсть. Под моим пристальным взглядом Лира потупилась и слегка покраснела.

– В тихом омуте черти водятся, а? – спросил я. – Ты еще скажи, что влюблена в Слепителя...

– Дурак! – выпалила Лира. Щеки у нее запунцовели еще пуще. – Я пытаюсь его понять, и больше ничего!

– У тебя хорошо получается. И что ты предлагаешь? Ну, не вписывается Дробышев, и что?

– Пока не знаю, – неохотно проговорила Лира, глядя в сторону. Я заметил, она вообще редко поддерживает зрительный контакт во время разговора. – Но этот случай с Дробышевым подозрительный...

– Мы же договорились, что это из-за неопытности Слепителя. Тогда он еще не придумал свои закономерности.

– То есть это случайность? – Лира на секунду глянула на меня и снова отвела взгляд.

– Ну да.

– Или начало новой закономерности... – сказала она тихо, почесав подбородок пальцем.

– По-моему, ты перегибаешь палку, Лира, – укоризненно сказал я. – Так и свихнуться недолго. Это у тебя навязчивая идея – всюду выискивать закономерности.

Лира криво улыбнулась и не ответила.

Свидиридовой Ларисе, живущей с мужем и двумя детьми-дошкольниками в четырехкомнатной квартире на пятом этаже в спальном районе, недавно исполнилось сорок лет, была она невысокой, крепко сложенной женщиной с темными волосами. Цвет глаз, судя по фотографии в рамочке, стоявшей на полке в шкафу-«горке», был карий. Сейчас верхнюю часть лица закры-

вала бинтовая повязка. Поскольку роковая встреча со Слепителем произошла в ночь с третьего на четвертое октября, то есть девятнадцать дней назад, повязку можно было бы и снять. Но она не сняла – видимо, боялась напугать домашних, особенно детей.

В квартире царила напряженная атмосфера. Муж Ларисы Георгий, высокий, плечистый, с греческим профилем мужчина, создавал впечатление человека, весьма следившего за внешностью. К нашему приезду он отнесся откровенно неприязненно, хоть и был, как мы поняли, предупрежден полицией.

Свиридова говорила слабым, плачущим голосом, всё порывалась самостоятельно поставить чайник, чтобы угостить гостей, то есть нас, а муж каждый раз вскакивал и, усадив жену на место, сам брался за чайник. Насколько я понял, эта была пантомима, которую оценил бы Симеон Коровин.

– И кому я теперь нужна такая, безглазая? – вздыхала Свиридова. – Раньше я машину водила, на двух работах успевала трудиться, а сейчас что? Элементарные вещи нынче для меня проблема. А и Жоре говорю: зачем я тебе?.. Ты еще молодой, красивый...

– Не говори глупостей, – оборвал ее муж. С излишним ожесточением и плохо скрытым раздражением, как мне показалось. – Я тебя никогда не брошу, Лара, понятно?

Он махнул детям – девочку постарше и мальчика помладше, которые с любопытством заглядывали в гостиную. Они нехотя удалились в соседнюю комнату.

Мне и Лире с превеликим трудом удалось перевести тему разговора на события той злополучной ночи. Свиридова совершенно не интересовалась личностью Слепителя («Бог его накажет!») и не стремилась нам помочь. Ее много раз допрашивали, и она удивлялась, чего еще нам надо. А мы не могли внятно ответить, чего же нам надо, – мы и сами этого толком не знали.

Ничего нового она нам не рассказала: нападение ночью в темноте, пробуждение связанной в кромешной тьме, тихий зловещий шепот...

– О чем он говорил? – спросила Лира, сидя рядом со мной за столом. Юра притулился в уголке и ничем не выдавал своего присутствия.

У Свиридовой затряслись губы.

– Он... он сказал, что я многое пойму, когда он заберет у меня глаза... Что он имел в виду? А? Что он имел в виду, Жора? Что я никому такая не сдалась безглазая?

– Лара, ну что ты такое говоришь... – начал Георгий машинально. Его лицо на мгновение исказилось в гримасе еле сдерживаемого раздражения.

Лариса продолжала хныкать. Мы с Лирой переглянулись. Видимо, Свиридову больше всего пугала перспектива потерять мужа. За все время разговора она ни разу не упомянула о детях, как, впрочем, и муж.

Когда мы собрались уходить, я успел глянуть на монитор ноутбука, стоявшего возле окна на небольшом столике. Открытый браузер демонстрировал аккаунт Георгия на сайте знакомств...

В этот день мы посетили все жертвы Слепителя, кроме Грушко Аркадия, который повесился ночью в больнице на простыне. Возле главного корпуса больницы шумели репортеры с камерами, микрофонами и прочей аппаратурой, требуя, чтобы их впустили. Но полиция стояла намертво.

Ближе к обеду позвонил Валов и сообщил, что машина Слепителя была угнана месяц назад, в ней масса отпечатков, но руль, рычаг переключения передач и приборная доска девственно чисты. Не иначе Слепителем потрудились тщательно протереть эти места и всегда пользовался перчатками. Отпечатки, судя по всему, принадлежали кому угодно, только не самому Слепителю – он был слишком осторожен.

– Есть результаты? – спросил Валов напоследок.

У меня чуть не сорвалось с языка слово «нет». Я вовремя спохватился и сказал:

– Мы работаем над этим, товарищ полковник.

Прервав связь, я повернулся к Юре и Лире:

– Слепитель Слепителем, а обед по расписанию. Я кушать хочу. Проболтались целый день, да всё без толку. Ничего общего между жертвами нет, они даже не знакомы друг с другом, работают в разных учреждениях, никаких общих дел не имели. Результат нашей сегодняшней прогулки – ноль.

– Не ноль, – возразила Лира. – Одну закономерность нашли.

Я подскочил на сидении.

– Какую?

– Все нападения происходили в темноте. Преступник бил по голове точно и с необходимой силой, чтобы просто вырубить, а не проломить череп, даже своей первой жертве, Дробышеву. Ты сможешь так точно сработать в почти полной темноте? И потом сам процесс удаления глаз... – Лира поморщилась. – Он тоже проходит в темноте.

– Ну и что это значит?

– Он видит в темноте, как сова, – сказала Лира.

В машине установилась тишина. Меня отчего-то пробил озноб. Враг из Тьмы, он хочет, чтобы жертвы жили в вечной темноте...

– Или у него прибор ночного видения, – нарушил я молчание. – Та штука, что выскочила из-под маски Слепителя, когда мы сцепились... Вдруг это часть прибора? Совсем забыл спросить у Валова, что сказали эксперты насчет этой штуки! Ты в курсе, Юра? – обратился я к водителю.

Тот не успел ответить: у него зазвенел телефон. Односложно помывав в трубку, он швырнул ее на центральную консоль и круто развернулся посреди улицы Кирова – одной из самых широких и оживленных в нашем городе; при этом проигнорировал две сплошные линии. Что ж, у сотрудников «органов» есть свои привилегии...

– В чем дело? – спросила Лира сзади.

– Нападение в Тыняновском университете, – сообщил Юра спокойно, обгоняя одну машину за другой. – Маньяк вырезал глаза студенту Ковылину Енисею. Он сейчас в реанимации.

– А что Слепитель? – заорал я. – Вы же охраняли универ!

– Ушел. Судя по всему, через канализацию.

– Упустили? – переспросил я и, помолчав, добавил: – Менты хреновы... Ой, прошу прощения, Юра...

Вместо ответа Никольский вздохнул – вероятно, втайне был со мной солидарен.

В этот день нам не удалось встретиться с Валовым и поделиться соображениями о ночном зрении Слепителя. И заодно узнать о новой жертве. Валов, судя по всему, задыхался под грузом навалившихся проблем, большую часть из которых создавали репортеры, с восторгом раздувавшие панику в городе и поливавшие грязью силовые структуры. Никольский отвез нас по домам – ждать развития событий.

Вечером мне позвонила встревоженная мать. Она велела не выходить из дома без лишней нужды, чтобы не схватил Слепитель, и даже не посещать работу. С отцом она уже договорилась, так что от работы я был освобожден до тех пор, пока маньяка не поймают. Я обещал закрыться на все замки и носа не высовывать из квартиры, и мама, успокоенная, отключилась.

Вмешательство мамы в мою трудовую деятельность упрощало дело: отныне мне можно не ходить на работу и больше времени уделять поискам маньяка вместе с Лирой и Валовым. Отец у меня – жесткий бизнесмен, никому спуска не дает, но мать послушает непременно. Знаю я его.

Тем же вечером я несколько раз попытался дозвониться до Киры, но каждый раз безрезультатно. То у нее было занято, то она не брала трубку. Наверное, не могла простить то, что я отклонил ее вызов днем.

Меня это особо не опечалило. Почему-то я был уверен, что Кира скоро сменит гнев на милость. И вообще, то, чем я сейчас занимался, было важнее мелких разногласий.

Мною завладел охотничий азарт родом из первобытных времен, когда наши предки гонялись за мамонтами по диким равнинам с дубинами наперевес. И азарт этот был явственно сильнее страха, который тоже поселился в глубине души... Слепитель сумел навести ужас и на меня, хотя именно я сподобился надавать ему по рылу...

Сидя вечером перед телевизором, бубнящим о Роднинском Слепителе, я вспомнил, что попал маньяку локтем прямо по лицу. Следовательно, сейчас он должен сверкать фингалом или расквашенным носом. К сожалению, у полиции нет возможности проверить всех, у кого такие особые приметы.

Я резко вскочил. Стоп! Не удержавшись, я нервно хохотнул. А что, если маньяк – Симеон Коровин? Тот, кто ставит спектакли наподобие «От муладхары до сахасары», явно имеет проблемы с психикой. Честное слово, от просмотра этого спектакля хотелось вырвать себе глаза... Днем он, в ипостаси балетмейстера, мучает зрителей вроде меня театральными постановками, а ночью, преобразившись в Слепителя, пытается бедолаг еще более изощренными методами... Кто заподозрит этого экзальтированного и манерного до тошноты гея?

Нет, глупости. Усилием воли я заставил фантазию сбавить темпы. Если подозревать человека только потому, что кто-то надавал ему по лицу, или потому, что этот человек лично мне неприятен, то легко впасть в полную паранойю.

Поздним вечером, перед тем, как улечься спать, я некоторое время стоял на балконе и таращился на ночной город. Непроглядно черное небо нависало над зданиями и улицами ощутимой громадой, угрожая разразиться дождем или снегом. Сбоку, со стороны улицы, долетал вечный, как морской ропот, автомобильный шум. Моя машина стояла, как обычно, под самым балконом; огонек сигнализации на лобовом стекле успокаивающе мигал. Где же ты сейчас, Слепитель? Чем занят? Какие темные замыслы лелеешь в своей чокнутой башке?

И, самое главное, кто же ты?

Глава 10

Утром меня разбудил звонок от Валова. Полковник просил меня срочно приехать в Управление и захватить с собой Лиру, которой он, по его словам, уже позвонил. Я согласился, хотя мне не понравился его тон: просьба слишком смахивала на приказ. У меня язык чесался вежливо и холодно, как это делает Наташа, поставить Валова на место, напомнить ему, что мы не его подчиненные. Я сдержался по одной-единственной причине: мне хотелось быть в гуще событий, а достичь этого можно было, находясь рядом с Валовым.

Потому, отложив до лучших времен речь о правах и обязанностях гражданина Российской Федерации, заготовленную для ушей полковника ФСБ, я быстро собрался и, не позавтракав, поехал к Лире.

Сегодня, наконец-то, небесные хляби распахнулись. Дождь лил как из ведра. Ледяные струи лупили по асфальту, стекали по желобам и крышам, в канавах бурлила мутная вода. Дворники на машине трудились со всей возможной скоростью, а свет фар встречных автомобилей с трудом пробивался сквозь сплошную пелену.

Лира съезжилась под зонтом возле ворот своего дома. Когда я подъехал, она юркнула в салон с плохо скрываемым облегчением.

– Тебе не страшно? – спросил я, когда мы на черепашьей скорости покатали по проспекту Лермонтова в потоке таких же неторопливых автомобилей. – Я имею ввиду, участвовать во всем этом безумии...

– Страшно, – сразу ответила Лира. – Мне всегда страшно...

Я покосился на нее. Она была бледной и мрачноватой, как всегда. Сегодня на ней красовалась другая шапочка, из-под которой на плечо сбегала коса каштановых волос. На стеклах очков поблескивали крохотные капельки воды – зонт не помог полностью уберечься от ливня. Серо-голубая куртка осталась прежняя, так же, как и неизменные перчатки. Про то, что ей всегда страшно, она проговорила абсолютно серьезно.

– Всегда? Почему?

Лира сцепила пальцы рук и устала на колени.

– Потому что жизнь – страшная штука.

Я не удержался от ехидного хмыканья.

– Смотря как жить, Лира... Иногда она бывает очень даже приятной, знаешь ли.

– Это не бывает надолго. Приятные моменты кончаются, а ужас перед жизнью не кончается никогда. В конце концов, нас всех ждет смерть.

– Ну ты, блин, философ! – вскричал я. – Memento mori, что ли? С такими мыслями и до петли недалеко, так что сбавь темп, ради бога!

– Нет, что ты, Женя, – Лира мягко улыбнулась, и я сообразил, что мне нравится, как она называет меня по имени. – Просто философствую. На самом деле у людей много способов забыть о своем ужасе перед жизнью. Некоторые работают с утра до ночи. Некоторые занимаются экстремальными видами спорта, пьют, курят травку, с головой окунаются в любовные перипетии. Но, так или иначе, этот экзистенциальный ужас живет во всех.

Впереди светофор зажег красный свет. Я притормозил, надул щеки и выдохнул сквозь неплотно сжатые губы. Я был в шоке от Лире.

– А ты что делаешь, Лира, чтобы побороть экзистенциальный ужас?

Не обращая внимания на ехидство в моем голосе, она достала из кармана кубик Рубика, собранный, как надо, по всем сторонам.

– Исправляю ошибки в текстах... – прошептала она.

В Управление мы вошли смело и чуть ли не нагло, совсем как полноправные сотрудники. Дежурный пропустил нас без единого вопроса – видно, был предупрежден. Всюду на стенах

под потолком поблескивали линзы камер. Естественно, что нас давным-давно «срисовали», составили полное досье, в котором указывается не только вес и группа крови, но и на каком боку мы спим. Дежурный явно знал нас в лицо, хотя мы прежде не встречались.

Мы беспрепятственно прошли в кабинет, где расположился Валов. Войдя в полутемное из-за задернутых жалюзи помещение, я заметил на столе маленькую картонную коробочку возле пепельницы, битком набитой окурками.

Валов выглядел уставшим. Сомневаюсь, что ночью ему выпало зацепить хоть часок сна. Ворот рубашки был расстегнут, галстук висел на спинке одного из стульев. Полковник работал за компьютером, то и дело щелкая мышкой. Зверски воняло табаком.

– Дело принимает скверный оборот, – начал он, не отрываясь от монитора и не поздоровавшись. – В городе уже не паника – истерика! Слепитель словно играет с нами. Родители Енисея Ковылина – влиятельные люди и требуют крови. А у нас до сих пор нет рабочей гипотезы! Мы даже не знаем, чего преступнику надо!

Мы с Лирой промолчали. Полковник был, вне всякого сомнения, на взводе.

С ожесточением щелкнув мышкой в последний раз, Валов соизволил повернуться к нам.

– Я начинаю думать, – сказал он, – что Слепитель читает наши мысли! Он знает, что мы вычислили закономерность и устроили засаду в университете. Он уходит от нас с дьявольской ловкостью, опережает буквально на полшага!

Он умолк. Мы с Лирой молча стояли на пороге, как бедные родственники. Полумрак в кабинете словно сгустился еще больше, в углах кабинета завивалась тьма.

– И еще, – снова заговорил Валов, потеряв лицо. – Вчера, во время нападения на Енисея, произошло нечто удивительное...

Он помолчал и поглядел на нас мрачным взглядом.

– Этот странный артефакт, который вы нашли, Евгений, изменился...

Прежде чем я успел отреагировать, Валов тяжело поднялся с кресла и взял в руки коробочку, которую я приметил раньше. Полковник открыл ее, и мы с Лирой увидели черный шарик – тот самый, что выпал из-под маски Слепителя после моего удара.

Я подошел ближе. Шарик на ладони Валова был в диаметре сантиметра два, имел матовую черную поверхность и в целом сильно напоминал глазное яблоко человека, пусть и неестественного цвета. Вместо роговицы на одной из сторон шарика выделялся багровый диск с темными прожилками, который в свете люминесцентных ламп поблескивал как живой... Мне почему-то не хотелось долго смотреть на него. Создавалось впечатление, будто эта штука смотрит на меня...

– Эта штука изменилась, как вы видите, – сказал Валов утомленным голосом.

Я отступил на шаг. Как человеку, надававшему Слепителю по морде (правда, и получившему от него), мне следовало бы меньше остальных бояться всех этих штук, но и мне стало не по себе. Он видит во тьме, сказала Лира о Слепителе, а после моего удара у него выпадает черный глаз, который выглядит как живой...

Лира озвучила мои мысли:

– Он будто смотрит на нас!..

Валов положил глаз в коробку и не без раздражения произнес:

– Мистика какая-то! Наши эксперты исследовали эту хрень вдоль и поперек. Ничего необычного не обнаружили. Этот шарик сделан из кости какого-то крупного животного... или человека. Точнее выяснить не удалось. Шарик очень древний. Он покрыт краской из натуральных продуктов, вот тут список, правда, сомневаюсь, что он вам о чем-то скажет. Радиации никакой. Никаких токсинов, который могли бы вызвать галлюцинации и эффект пристального взгляда.

Когда Валов вернул черный глаз в коробочку и закрыл ее, я невольно перевел дух. Смотреть на него было неприятно. В полной тишине Валов уселся на прежнее место перед компьютером.

– Вчера, – глухо произнес он, накрывая широкой ладонью мышку, – у всех ослепленных, кроме Аркадия Грушко, который, как вы знаете, покончил с собой, не выдержав испытания, были видения.

– Видения? – не удержавшись, переспросил я.

– Да, черт бы их побрал, видения! – рявкнул Валов. – И ничего внятного. Это случилось после вашего визита к жертвам Слепителя, ближе к вечеру. Понятное дело, это нигде не разглашается, репортеры не в курсе. Нам еще мистики не хватало!

Он дернул плечом. Мы не проронили ни слова, по-прежнему стоя возле двери кабинета. Валов словно очнулся: взглянул на нас и выдавил кривую улыбку:

– Садитесь, прошу вас! Замучился этой ночью, ей-богу, уже голова не варит...

Мы с Лирой уселись за стол. Ощущение было такое, точно сейчас поздний вечер, если не ночь. Светила настольная лампочка, темноту немного рассеивал экран монитора, да и сквозь задернутые жалюзи просачивался не слишком яркий свет дождливого утра. Стеклопакет окон полностью не заглушал шум дождя. Я покосился на коробочку с черным глазом, усаживаясь на стуле.

– Мы находимся на постоянной связи с жертвами Слепителя, – продолжил Валов. – Вчера вечером мы получили информацию о странных видениях жертв. Вот запись телефонного разговора... слушайте...

Он в очередной раз щелкнул мышью. В тишине кабинета зазвучал женский голос, в котором я узнал голос Свиридовой:

«... с ума сойду! Не знаю, куда и звонить: то ли вам, то ли в церковь. Вы просили сообщать обо всем, о любой мелочи, вот я и звоню... Это бесовские происки, поверьте мне, и ничего с этим...»

Ее перебил голос самого Валова:

«Бесовские или нет, мы разберемся. Вы постарайтесь как можно подробней рассказать, что вы увидели».

«Я сидела на кухне... и вдруг перед глазами... то есть... боже, вы понимаете, о чем я... передо мной будто встала картина. Немного мутноватая, как сквозь тусклое стекло. Я испугалась...»

«Что было на этой картине?» – По голосу можно было легко догадаться, что Валов с трудом сдерживает нетерпение.

«Мутная вода. Поток мутной грязной воды. И на ней плавали всякие отходы, кажется, баклажки, веточки, гнилая листва... Эта картинка не продержалась долго. Ее сменила другая картинка: какие-то полуразрушенные дома и цепи... Да-да, ржавые цепи. Потом...»

Свиридова судорожно перевела дух и выпалила:

«Потом я увидела мертвые головы в шляпах».

После паузы голос Валова на записи переспросил:

«Мертвые головы в шляпах?»

«Да, такие жуткие, мертвенно-бледные головы, и на них были надеты яркие отвратительные шляпы».

«Просто головы, без тел?»

«Ну, может, тела и были, я не заметила. Помню только головы».

«Это всё?»

«Нет... Еще красный чёртик, висящий на заборе. Он улыбался...»

Запись кончилась. Валов поднял на нас усталые глаза.

– Казалось бы, бред сивой кобылы. Вы ведь общались со Свиридовой? Истеричная личность. Мы могли бы и проигнорировать ее сообщение, решив, что это последствия физической и психической травмы... Если бы не другие показания.

Он включил следующую запись на компьютере, сразу поставив ползунок проигрывателя на нужное место. Хрипловатый баритон Максима Кузнецова проговорил:

«Мутная вода. Какие-то руины. Белые головы в шляпах. Вроде как мертвецы. Мелкий бес на заборе и цепи... Я сошел с ума, да?»

– Сейчас с ними работают психологи, – сказал Валов. – Мы не имеем права говорить жертвам, что всех их посетили одинаковые галлюцинации, поэтому каждый их них считает, что видения были только у него. Мы срочно забрали их из домов, сейчас они в центральной городской больнице, под присмотром моих людей. В отдельных палатах. Якобы для осмотра. Нельзя подпускать к ним репортеров. Информация о странных видениях не должна распространяться в городе. Люди и без того перепуганы... Остальные записи можно и не проигрывать, там везде одно и то же: мутная вода, цепи, разрушенные здания, мертвецы в шляпах и чёрт на заборе.

Константин Викторович с силой потер лицо ладонями. Отняв их от лица, он выловил из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет и закурил. Лира нахмурилась. В тишине, на мгновение установившейся в комнате, я отчетливо услышал собственное учащенное сердцебиение.

– То есть все они увидели одинаковые галлюцинации? – спросил я наконец.

– Да.

Я хихикнул. Хихиканье прозвучало глупо, но это меня совсем не смутило: испуг был сильнее остальных чувств.

– Против магии не попрёшь, – заключил я.

– Вот и я о том же, – согласился Валов, вздохнув. – В моей практике таких случаев не было. Разве что...

Он умолк, не закончив фразы. У меня не было желания переспрашивать. Мне отчетливо представилась тусклая картинка, как на старой фотографии, – бледные отрубленные головы, на которые кто-то, обладающий дьявольским чувством юмора, нахлобучил ковбойские шляпы.

– А что Дробышев? – спросила Лира. Она побледнела, но говорила твердым голосом.

– Что – Дробышев? – уточнил Валов, глубоко затягиваясь.

– У него тоже были эти видения?

Несмотря на усталость, Валов пронизательно прищурился сквозь дым.

– Конечно. Когда нам позвонили Свиридова и Кузнецов, я уже сам стал звонить всем остальным жертвам Слепителя.

– А... он точно перечислил эти видения?

– Вижу, вы подозреваете этого Дробышева, Лира? – спросил Валов.

– Он не вписывается в красивую закономерность Слепителя, – сказал я, с удивлением обнаружив в своем голосе раздраженную насмешку. Мне тотчас стало стыдно: из-за испуга, напряжения и не вылезавшей из головы картинке с мертвецами в шляпах, я сорвался на Лире.

Она бросила на меня короткий взгляд, приподняв низкие брови, но ничего не сказала.

– Дробышев был в списке подозреваемых, – неожиданно заявил Валов, и настала моя очередь приподнимать брови. – Как только я увидел эту штуку, – он указал на коробочку с черным глазом, – мне на ум пришла дикая идея: что, если Дробышев использует некие мистические силы организма, чтобы видеть? А этот артефакт служит ему глазами? Похож ведь? Черный глаз, твою мать... Извините, Лира!

Лира с усилием улыбнулась. Улыбка тут же растаяла, когда она поглядела на коробочку.

– Теперь, в свете новой информации, – продолжил Валов, – этих видений, явной мистики, мы должны быть готовы к любому развитию событий. Вам я доверяю, ребята. Вы уже показали

себя с самой лучшей стороны, и я надеюсь, что вы еще проявите себя... Не стоит, наверное, напоминать, что всё, сказанное в этой комнате, секрет... Только Дробышев ни при чем.

– Почему? – вскинулся я.

– Он всю ночь провел в больнице под неусыпным надзором. С семи вечера примерно, когда мы его забрали из дома. А Енисей Ковылин утверждает, что напали на него после девяти. Потом выкинули на территории университета имени Тынянова. Наши молодцы из засады видели, как это произошло, но поймать не поймали, за что получили по полной программе лично от меня... Слепитель ушел через канализационный коллектор, который никто, в том числе и я, не догадался перекрыть...

Повисла очередная пауза. Ее нарушила Лира:

– Мы не должны сдаваться, Константин Викторович. Пусть этот Слепитель ведьмак какой-нибудь, но это не повод сдаваться. Так говорил Дробышев. А он – художник, лишившийся глаз. По сравнению с ним нам еще повезло.

– Спасибо, Лира, – сказал Валов, чуть ли не с любовью поглядев на покрасневшую Лиру. – Так что будем ловить колдуна дальше... Как вы думаете, что это такое?

Он указал сигаретой на коробочку и затушил окурок в пепельнице.

Так как Лира промолчала, я кашлянул и шутливо сказал:

– Магический артефакт.

Валов кивнул.

– Верно, Евгений, совершенно с вами согласен.

Я опешил.

– Вы серьезно? Вообще-то я пошутил...

– Еще никто не доказал, что магии не существует.

– Самое время процитировать Артура Кларка, что, мол, продвинутые технологии неотличимы от магии, – сказал я чуточку ехиднее, чем намеревался. Определенно, сегодня я неосознанно сублимировал страх в неуместный сарказм.

Валов хмыкнул и подпер могучий подбородок кулаками.

– Если это и технологии, – сказал он зловещим тоном, – то людям лучше не знать о них...

Итак, мои дорогие консультанты, какие есть соображения?

Я привычно глянул на Лиру, и она заговорила:

– Преступник видит в темноте. Все нападения произошли почти в полном мраке, тем не менее удары он наносил с удивительной точностью. Он использует какие-то магические артефакты, по крайней мере, один артефакт. И, видимо...

Она замялась. Я продолжил:

– Он гипнотизёр. Или колдун. Или и то, и другое. И у него, скорее всего, нет, как минимум, одного глаза. Надо же было ему куда-то вставлять эту штуковину.

Выводы «дорогих консультантов» были не бог весть какие, но Валов выслушал нас внимательно и без ухмылок.

– За что я уважаю молодежь, так это за незашоренность мышления! Мои немолодые коллеги ни за что не сказали бы вслух о колдунах и магии... Если верить древним сказаниям, – сказал он улыбувшись, – металл всегда побеждал магию. Металла у нас достаточно. Так что будем воевать!

– Кстати, обратная последовательность Фибоначчи закончилась, – пробормотала Лира под нос. – И что-то обязательно должно случиться. Уже скоро...

Глава 11

Да, это точно, сказал я себе несколькими часами позже в другом месте и другой компании, что-то обязательно должно случиться. Слепитель может устроить массовое побоище, теракт, взрыв в центре города, начать новую извращенную закономерность, а может и исчезнуть навеки, оставив горожан, полицию и ФСБ в недоумении. Криминальная хроника помнит много серийных убийц, которые никогда не были пойманы. Признаться, последний вариант устраивал меня меньше всего, как бы это шокирующе не звучало. Азарт во мне достиг предела. Будь у меня шанс, я вцепился бы в Слепителя зубами, забыв о страхе перед мистикой, но не дал бы ему уйти.

– О чем ты думаешь? – прозвучал рядом мелодичный, но холодноватый голос.

Я повернул голову к Наташе. Она лежала рядом со мной в постели, и ее длинные черные волосы рассыпались по мятой подушке. За окном бушевала гроза, но нам после энергичных упражнений было жарко: тонкое одеяло почти не прикрывало Наташину грудь – небольшую, как у всех топ-моделей, но красивой формы.

– О Слепителе, – сказал я честно.

Посвящать Наташу в подробности нашего с Лирой участия в расследовании, памятуя просьбу (или приказ?) Валова, я не намеревался. Сейчас большинство жителей города думало о Слепителе и его зверствах, так что в моем ответе не усматривалось ничего удивительного.

– Перестань, Женя, – сказала Наташа. – Мне начинает казаться, что ты немного заиклен на этом Слепителе. Надеюсь, его поймают и казнят, пусть даже в нашем государстве нет смертной казни... Сделают исключение... И вообще, как ты можешь думать об этом сейчас? Ты и пять минут назад о нем думал?

– Пять минут назад я ни о чем не думал, – хмыкнул я.

Припухшие губы Наташи призывно раскрылись, я потянулся к подруге, но она в последний миг отодвинулась и, откинув одеяло, встала. В репертуаре ее бесконечных женских штук была такая фишка: дразниться. Раньше это меня невероятно заводило, а сегодня я просто откинулся на подушку с некоторым облегчением. У меня не было желания продолжать кувыркания на кровати – то ли я постарел, то ли Слепитель стал моей идеей-фикс, и я просто был не в состоянии сконцентрироваться на чем-то другом, даже на сексе с фотомodelью. Наташа приехала после обеда без предупреждения, набросилась на меня, как в кино, отшвырнув мокрый зонт под полку с обувью, и я сообразить ничего не успел, как очутился вместе с ней в постели. Но даже в минуты страсти, глядя в ее затуманившиеся глаза, я думал совсем о других глазах – тех, которые Слепитель выковыривал ложечкой, как мякоть из разрезанного вдоль плода киви...

– Я в душ. Потом сварю кофе, – сообщила Наташа, набрасывая мою старую клетчатую рубашку. Бесшумно переступая босыми ногами, она удалилась в ванную.

Неужели я действительно заиклился на Слепителе и не могу избавиться от мыслей о нем? После всего услышанного сегодня от Валова у меня плавился мозг. Одинаковые видения ослепленных людей, липкий взгляд черного искусственного глаза, невероятная хитрость маньяка, с помощью которой он столько времени водит вокруг пальца полицейских и безопасников, – неужто всё это происходит на самом деле?

Ближе к вечеру Наташа ушла, и, словно бы дождавшись ее ухода, позвонила Кира. Я мимолетно подумал, что дуракам (то есть мне) везет: позвони Кира чуть раньше, мне пришлось бы отклонить или проигнорировать вызов. Разговор у нас вышел длинный и по степени напряженности и мелодраматичности не уступал лучшим латиноамериканским мыльным операм. В итоге мы помирились, Кира обещала заскочить ко мне завтра вечером, скорее всего, с ночевкой. Едва я положил трубку, позвонил Глеб Литвинов, мой друг и бывший

одного группника. Он и еще два моих друга, Димка Пономарёв и Юрка Виртанен планировали собраться в «Китеже», нашем излюбленном кафе, на следующей неделе и звали меня. Я ответил, что приду.

После ужина звонила мать, интересовалась, сижу ли я дома, как она мне наказывала. Я соврал, что за два дня не высунул носа на лестничную площадку. Мама похвалила и передала трубку папе. Отец выразил надежду, что Слепителя скоро поймают, мама успокоится за ненаглядное чадо и разрешит мне, наконец, выйти на работу. Напоследок отец намекнул, что пришлет мне кое-какую работу по электронной почте, чтобы я сильно не расслаблялся.

После разговора с родителями наступило затишье. Вечер тянулся долго, нудно и муторно. Я смотрел телик, сидел в интернете, пытался читать какой-то разрекламированный роман, скачанный бесплатно с пиратского сайта (боже, храни пиратов!), но мысли упорно возвращались к Слепителю и веренице связанных с ним событий.

В девятом часу я пошел в ванную умыться. В зеркале мне внезапно почудилось, что оба глаза у меня залиты тьмой: нет намека на склеру – сплошная чернота. Вместо радужки – красноватое пятно, сплетенное из нитей, похожих на капилляры. Я моргнул, и наваждение пропало. Но неприятное, липкое ощущение пристального недоброго взгляда осталось...

Ночью мне снились кошмары, в которых я падал в пропасть, где корчились легионы бледных и жутких тварей, похожих на гибриды червей и людей, а над ними властвовало огромное и неопишимо отвратительное существо. Оно выдавливалось из новопривыкших глаз и, мерзко чмокая, пожирало их... И вот его склизкие лапы потянулись ко мне. Я заорал и проснулся.

Некоторое время я лежал в полумраке, таращась в потолок, по которому пробегали отсветы автомобильных фар с улицы. По комнате словно бы гуляло эхо от моего крика, хотя я не был уверен, что кричал наяву. Я никогда не страдал чрезмерной мнительностью, да и ночные кошмары беспокоили последний раз классе в восьмом. Однако дело Слепителя у кого угодно могло выбить почву из-под ног. Подумалось: а какво Лире? Она все-таки девушка. Крепко ли она спит сейчас?

Разумеется, странностей в ней хватает, но она вполне адекватна. И с ней мне впервые за много лет было реально интересно. Утверждать, что тебе интересно оттого, что кому-то вырезают глаза, – полнейшее свинство, но факт остается фактом: если б не Лира, я не столкнулся бы со Слепителем лицом к лицу, не познакомился с Валовым и не стал внештатным консультантом Федеральной службы безопасности.

Несмотря на свою необычную способность находить закономерности и ряд интригующих привычек, она не привлекала меня как женщина. Нет, у нее, насколько я разглядел под слоями одежды, неплохая фигура и вполне правильные тонкие черты лица. Но – какая-то она не сексуальная...

Размышления на тему сексуальности Лире Станкевич прервал странный звук на кухне. Почудилось, будто там кто-то ходит. Кто-то, у кого маленькие твердые ножки, как у гномика...

Секунд пять я лежал затаив дыхание. Уши практически шевелились, как радары. Поскольку шажки не прекращались, надо было встать и выяснить, в чем дело, но тело точно окаменело. Казалось, если я пошевелюсь, существо, прогуливающееся на кухне, ворвется в комнату и набросится на меня.

Еще через пару секунд я, рассердившись на самого себя, резко соскочил с кровати и вошел на кухню, судорожно нащупывая выключатель. Фантазия нарисовала картину, где я сталкиваюсь на кухне с неведомым существом, но в реальности всё оказалось банальным до отвращения. На кухонном полу расплывалась огромная лужа. В нее по-прежнему капало с потолка, на котором темнело массивное пятно. То ли у соседей сверху прорвало трубы, то ли по каким-то причинам они забыли закрыть краны. Наверное, у меня разыгралось воображение, но это пятно напоминало черный глаз, я даже кожей почувствовал пристальный взгляд.

При свете электрической лампы размеренные удары водяных капель о пол уже не напоминали шаги неведомых маленьких тварей. И всё-таки ощущение, что за мной наблюдает некто невидимый, не покидало.

Этот черный искусственный глаз – он выглядел как живой, смотреть на него было неприятно. Неожиданно сейчас, стоя на кухне возле лужи на полу, я осознал, что именно меня смутило при виде жуткого артефакта: он *смотрел* на меня, на нас с Лирой. Что, если Слепитель увидел нас на расстоянии и теперь каким-то немислимым мистическим способом воздействует на тех, кто за ним охотится? Что, если смутное ощущение пристального взгляда порождается *настоящим* взглядом гребаного маньяка-колдуна?

Стало настолько не по себе, что меня буквально затрясло от желания поскорей покинуть квартиру. К тому же надо было разобраться с соседями и их сантехническими проблемами, которые уже стали моими проблемами. Одевшись, я вышел на лестничную площадку, слабо освещенную пыльной лампочкой.

А как же Лира? Она тоже чувствует «черный взгляд»? Я выхватил телефон из кармана, забыв о намерении разобраться с соседями. Не успел я найти нужное имя в телефонной книжке смартфона, как позвонила сама Лира.

– Алло, Лира...

– Женья? Привет! – каким-то необычно кокетливым голосом сказала Лира. – Ты можешь ко мне приехать?

Мне показалось, что я ослышался.

– Что случилось?

– Мне страшно, побудь со мной, пожалуйста...

– Э-э-э, – проблеял я. – Ну ладно...

Я выскочил из подъезда и запрыгнул в машину. Пока ехал по пустынной ночной дороге, в голове вертелась масса мыслей и предположений. Необычное поведение Лире должно было как-то объясняться. Или она не такой синий чулок, каким хочет предстать перед обществом, или элементарно подозревает прослушку. Глупо думать, что Валов не будет совать нос в нашу личную жизнь. Не исключено, что за нами следят, хотя я не видел ни малейших признаков слежки. Или как вариант (я такое видел в кино): Слепитель схватил ее и заманивает меня в ловушку...

Ночь была мерзкая – холодная, промозглая, с черных небес сыпал мелкий и колючий снежок. Вертя баранку, я ухмыльнулся. Нет, наверное, у меня разыгралось воображение. Заманивать меня с помощью Лире – полный дебилизм. Слепитель так не действует... Впрочем, мы понятия не имеем, как работает его голова. Я завернул в переулок и притормозил перед домом Лире.

Я планировал на всякий случай перезвонить ей, но она ждала возле дороги с надвинутой на самые глаза шапке и глубоко засунутыми в карманы руками.

– Мне тебя обнять? – спросил я, вылезая из машины.

– Ты ведь понял, что я несерьезно, – отрезала Лира. Нос у нее покраснел от холода.

– Думаешь, телефоны прослушивают?

– Уверена.

– А слежка? Помнишь, Валов обещал поставить незаметную охрану? О том, что я приехал к тебе, они уже знают, наверное.

– Ну и что? – Лира повернулась к воротам, приглашающее махнув мне рукой. – Ты же ловелас. Может, мы действительно встречаемся?

Я хмыкнул, следуя за ней. Дверь в воротах открылась бесшумно на хорошо смазанных петлях, мы прошли во двор, в котором горела светодиодная лампа. В паре окон на втором этаже дома светились окна.

– Ты меня вызвала посреди ночи, – тихо сказал я, оглядывая очень аккуратный дворик под навесом. – Значит, выяснила что-то интересное и важное. И не хочешь, чтобы менты узнали. Почему?

– Я думаю... – протянула Лира. Она открыла дверь и пропустила меня на веранду. Мы принялись разуваться. – Думаю, что Слепитель либо сам из полиции, либо у него там есть свой человек.

Я вытаращился на нее с одним ботинком в руке.

– Да, – сказала Лира в ответ на мои невербальные ужимки. – Иначе трудно объяснить, как ему удается опережать полицию столько времени.

– А про мистические способности ты не думала?

– Это неизвестная величина, – рассудительно произнесла Лира. – Мы ничего не знаем о его так называемых магических или гипнотических способностях. Поэтому я исхожу из предположения, что в полиции или даже среди безопасников у Слепителя есть «уши». Я позвонила тебе, Женя. Если что, мы можем поехать к Валову на работу – он там ночует. Проходи сюда, на лестницу.

В прихожей мерцало огромное зеркало. Я покосился на него с опаской, боясь увидеть собственные черные глаза.

– Мне сегодня мерещилось черт-те что, – признался я.

– Мне тоже, – спокойно сказала Лира.

Я остановился посреди прихожей и повернулся к ней.

– Как? И ты?

– Да.

– Это... гипноз какой-то?

– Не знаю. Но это началось после того, как черный глаз посмотрел на нас. Вот такая вот небольшая закономерность...

Меня передернуло. Лира, нахохлившись, сняла шапочку и куртку. Волосы у нее были туго заплетены во французскую косу. Она не выглядела испуганной, и я почувствовал себя неловко. Испугался видений, тоже мне...

Мы прошмыгнули по лестнице на второй этаж и вошли в комнату Лир. Я с интересом осмотрелся.

Комната Лир Станкевич ничем особенным не выделялась, кроме разве что удивительного порядка везде и всюду. Кровать застелена без единой морщинки, карандаши и ручки на письменном столе выстроены ровными рядами возле огромного монитора компьютерного моноблока, горшочки с кактусами на подоконнике тоже стоят в определенном порядке: маленькие кактусы – посередине, самые крупные – по краям. Книги на стеллажах являли образец аккуратности. Уверен, вещи в закрытом шкафу тоже были уложены в соответствии с определенной закономерностью.

– А где родители? – поинтересовался я.

– Спят давно. Так что знакомство отложим на потом... Садись.

Я повернулся, чтобы протиснуться мимо Лир к столу, и заметил нечто любопытное. За открытой дверью была установлена раковина для мытья рук.

– Любишь руки мыть? – брякнул я.

Лира вздрогнула, стоя спиной, и не ответила. Я не переспрашивал.

Мне вдруг бросилось в глаза, что она сняла перчатки. Руки у нее были самые обыкновенные, узкие, с тонкими длинными пальцами и ногтями красивой формы.

– Итак, – сказала она, пошевелив беспроводной мышкой. Экран моноблока засветился, продемонстрировав открытую таблицу Excel. – Я выписала элементы видений жертв Слепителя... Мутная вода, мертвые лица в шляпах, разрушенные здания, чертик на заборе, ржавые цепи... Мне сразу показалось, что эти видения указывают на конкретное место в городе. Я

изучила Роднинск через гугл мапс и нашла место, где есть все эти объекты. Это была кропотливая работа, в моем вкусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.